

ИВАНА ТЕСАРИЧ

ЧУМНОЙ БРАСЛЕТ

Ивана Тесарич
Чумной браслет

«Автор»

2026

Тесарич И.

Чумной браслет / И. Тесарич — «Автор», 2026

Венецианская республика. Конец XVI века. Когда Диану, девочку-бенанданти, привозят в Венецию, в Богоугодный приют Милосердия, как «нечистого ребёнка», она впервые понимает: мир боится таких, как она. Её дар — исцелять, видеть и удерживать души на границе — опасен. Для церкви. Для власти. Для неё самой. Никола — талантливый подмастерье ювелира. Всю жизнь он пытается не замечать своего магического дара, доставшегося в наследство от деда. Все, что его занимает — стать лучшим венецианским ювелиром, и добиться девушки, которую встретил в своих мистических полетах, «в духе», задолго до настоящего знакомства. Офицер ночной стражи Альвизе строит карьеру. Он задался целью вернуть положение и имя своему роду и достигнуть богатства. Но один странный заказ, пришедший Николе от таинственного незнакомца — браслет с необычными символами — втягивает его в игру, правил которой он не знает. С этого момента начинается череда темных событий, которая повлияет на их жизни и на жизнь всего города.

© Тесарич И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть первая	6
Пролог	6
Глава первая	8
Глава вторая	18
Глава третья	30
Глава четвертая	39
Глава пятая	49
Глава шестая	56
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ивана Тесарич

Чумной браслет

Чумной браслет

Часть первая

Пролог

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Глава десятая

Часть вторая

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава девятая

Часть третья

Глава первая

Глава вторая

Глава третья

Глава четвертая

Глава пятая

Глава шестая

Глава седьмая

Глава восьмая

Глава деятая.

Глава десятая

Глава одиннадцатая

Эпилог

Часть первая

Пролог

Пресветлому и преподобнейшему господину, Его Преосвященству Паоло Джустиниани Гримани, Патриарху Аквилей — от смиренного слуги Христова.

С глубочайшим почтением довожу до Вашего сведения, что во Фриули, в разных приходах Патриархата Аквилейского, выявлены крестьяне, именующие себя бененданти. Они утверждают, будто в особые ночи выходят душой из тела и сражаются за урожай со вредоносными малефиками. Явление сие глубоко укоренилось во Фриули, и я, по долгу своему, вознамерен довести эту информацию до Священной Конгрегации Римской инквизиции.

Прошу Вашего совета и высочайшего дозволения принять меры к привлечению адептов сего заблуждения, обладающих умениями выхода из тела в духе и силой духовной, на службу Пресвятой Церкви, если сочтете оный случай достойным большего внимания.

Смиренно пребываю, Фатер Феличианус Нульо, брат ордена Проповедников, инквизитор Апостольской Веры во Фриули.

Удине, монастырь Ордена Проповедников, официальная резиденция святой инквизиции во Фриуле. Год 1565*. *(На самом деле допрос Паоло Гаспарутто состоялся в 1575 году, на десять лет позже.)*

Все в этом человечке вызывало в нем раздражение. Дикий страх загнанного зверя в глазах. Сгорбленные плечи, неопрятная крестьянская одежда и огромные красные руки, которые тот не знал куда деть: то прятал под стол, то принимался рассматривать мозолистые пальцы с грязными ногтями, то выбивал ими какой-то ритм по дубовой столешнице. Испытуемый воровато отводил взгляд, отчаянно трусил, но все равно пытался сохранять видимость достоинства.

Фра Фелициано Нульо, епархиальный инквизитор Аквилей и Каподистрии, преодолев волну неприязни, принял самое ласковое выражение лица, на которое был способен, и вновь обратился к допрашиваемому:

— Сын мой, повторяю: никто тебя не обвиняет. Ты был вызван лишь ради прояснения неких странных слухов, дошедших до нас. Скажи, верно ли, что ты называешь себя бененданти?

Крестьянин вздрогнул, поднял взгляд почти черных, от расширенных зрачков, глаз и начал скороговоркой:

— Досточтимый отец, так меня называли в деревне. Но я добрый христианин, на мессы всегда хожу и причащаюсь, да! И делаю только то, что велено Господом!

Лицо Фра Фелициано на мгновение скривилось. Уж сколько раз довелось ему слышать это «велено Господом», и не счесть.

— Каждый колдун пытается оправдать свою малефицию волей Бога. Добрый христианин не похвастается ночными странствиями, тем более — сражениями в духе, уж поверь. Паоло, давай начистоту. Что ты делал в ночь Святого Иоанна?

— Преподобный отец, я не колдун!!! Я бененданти! Мы не творим зла! А в ночь ту... как бы объяснить-то? Мы уходим... не телом, нет. Духом уходим из наших тел и летим на битву со злыми ходоками — маланданти. Колдунами да ведьмами, теми, кто губит урожай, высасывает молоко у коров, насылает болезни и изводит младенцев! В наших руках стебли фенхеля, ими мы и бьемся. А у тех, значит, сорго в руках. Ими и лупим друг друга. И тут уж

кто победит... Если побеждаем мы — будет хороший год. Если они — всё начисто пропадёт! Мы Богу служим, спасением клянусь!! Мы не причиняем вреда! Я только пытался защитить свое село от зла!

— От зла, говоришь? — Фра Фелициано уставился в круглые честные глаза крестьянина. — А с чего ты взял, сын мой, что то, о чем ты рассказываешь, — воля Божья, а не дьявольское наваждение? Откуда тебе знать, кто дал тебе эту силу, это умение? И с каких пор ты выходишь в духе, оставляя свое тело, на такие ночные битвы?

— Досточтимый отец, я ж с рождения отмечен! Я ж в рубашке родился, а у нас известно — если кто на свет так появится, то это знак, что будет бенанданти. Вот и я... И зла мы не творим. Наоборот! Как, значит, вылетим на поле Гиосфата, так и драться с маланданти, с малефиками начинаем. Мы ж за добро всеобщее! За царство Божие! И я ж не один! Много нас. А вы в моем селе спросите — так любой скажет, что я, Паоло Гаспарутто, добрый католик!

Инквизитор вновь поморщился. И почему любое заблуждение, любое сельское верование, если и упоминает какое явление, то уж с библейским размахом. И тут вам, пожалуйста — «поле Гиосфата», поле последней битвы Апокалипсиса. На мелочи не размениваются.

Безобидное на первый взгляд суеверие глубоко проникло в умы селян. А тут и до рождения ереси недалеко. И вытравить ее будет непросто. Искоренять огнем — нет смысла, ибо и зла особого не несет, да и адептов сего верования немного, а выявить их непросто. Местные же жители свято верят в чудесную защиту, и в случае расправы над теми, кого называют бенанданти, молчать и терпеть не будут.

Однако далеко не все среди «светлых ходоков», как те сами себя окрестили, являются безобидными чудаками. Есть, он точно это знал и чувствовал, есть те, кто наделен настоящей способностью к волшебству. Вот если бы их, так называемую «духовную силу», да поставить на службу церкви...

Взрослые мужчины и женщины для этого подойдут вряд ли — как из-за своей повальной темноты и неграмотности, так и в силу сложившихся убеждений и привычек.

Но ведь бенанданти не становятся, ими рождаются. А вот дети... «Конечно же, дети! Если допросить повитух, принимающих роды у местных крестьянок, и найти... Возможно, попробовать стоит».

Глава первая

Венеция. Год 1569. Приют для девочек Оспedale делла Пьета, Богоугодный приют Милосердия.

В длинном недавно побеленном коридоре, когда все сидят на занятиях и ничто не мешает звукам, — шаги отдаются гулким эхом. Здесь хоть и с трудом, но можно представить себя в сумраке дубового леса, возле потока, что протекает за селом. А узкие ниши со скульптурами скорбящих святых — стволами вековых деревьев.

Диана глубоко вздохнула, прижала крепче к груди кипу нотных листов и зажмурилась, перенеслась в мыслях из холодного неуютного помещения на знакомую залитую солнцем поляну рядом с домом. Вспомнила запах травы и жужжание пчел, вылетающих из плетеных ульев отца. И спелую никем не убранную землянику, которую они с младшим братом обнаружили в то лето. Лето, когда ее, тогда одиннадцатилетнюю девочку, увез из дома сухопарый молчаливый монах-доминиканец, путешествующий в сопровождении слуг — очень набожной пары престарелых супругов и двух откровенно скучающих конных охранников. И который искал и увозил из их домов таких же, как она.

Разом вспомнились слезы мамы, дружный рев братьев и сестер, потупленный взгляд, сжатые кулаки отца и тихие увещевания доминиканца. Его заверения в том, что, отдавая свою дочь на богоугодное дело, вся семья получает благословение и прощение от Бога. Одна бабушка тогда вступилась за нее, попытавшись вырвать внучку из цепких пальцев преподобного падре, да только куда там... А потом долгий путь в скрипучей телеге с несколькими подобными ей детьми. «Нечистыми», «дьявольскими бенанданти», «отродьями малефиков» — как называли их слуги и охранники.

Когда их странная компания прибыла в Удине, город, после ее села показавшийся тогда огромным и многолюдным, монах оставил трех старших мальчиков за высокой каменной оградой стен монастыря Ордена Проповедников. Затем очередь дошла до Дианы. Эх, если бы тогда, когда дом еще не был так далеко, удалось сбежать...

Когда фра Фелициано отвел ее, единственную девочку в компании «нечистых детей», в стены монастыря Санта Кьяра, мать-настоятельница с трудом скрыла негодование на просьбу оставить ей на воспитание ребенка бенанданти. Инквизитор с аббатиссой, споря и переругиваясь, удалились в глухую каменную постройку возле старинной церкви, оставив Диану во дворе ожидать решения их спора. Она потопталась с минуту на солнце, выжидая, когда сестры потеряют интерес к происходящему и разойдутся по своим делам. Затем тихо выскользнула за ворота на улицы города и побежала по узким переулкам в ту сторону, которая должна была вывести на дорогу к дому... Что и говорить — поймали ее быстро. Но зато и в монастырь клариссинок не приняли. Возможно, причиной был не столько ее побег, сколько ссора монаха с настоятельницей из-за того, что сестринство увлеклось новомодными еретическими веяниями. Поэтому Диане и не влетело — доминиканец плевался в сторону обители, потрясал кулаком и грозился проверками, позабыв про ее проступок. * *(В конце XVI века монастырь клариссинок Санта Кьяра подозревали в связи с протестантскими настроениями, и в 1584 году проводилось расследование по этому делу.)*

На следующий день оставшихся младших мальчиков-бенанданти оставили неподалеку, в Джемоне, в приорате Санто Спирито, а ее увозили все дальше и дальше.

В обители Святой Агнессы настоятельница лишь руками обвела обветшавший двор и покосившиеся здания, посетовав, что монастырь в тяжелом запустении и бедности и взять на себя заботу о малом ребенке никак не может.

В цистерианском Санта Мария-дель-Пиаве, по слухам, заразная лихорадка косила сестер, и, поразмыслив, фра Фелициано приказал объехать аббатство стороной.

В итоге путь свой Диана завершила в столице Светлейшей Республики, Королеве морей — Прекраснейшей Венеции. Но и здесь, в приюте Богоугодного Милосердия, никто не пришел в восторг от появления отца-инквизитора со странной воспитанницей, к тому же говорящей на фриульском языке, немного отличающемся от итальянского. Но фра Фелициано настоял, чтобы его подопечную определили в лучший музыкальный класс приюта.

По прошествии пары месяцев казалось, все о ней позабыли. Потянулись серые будни, где каждый день в точности повторял предыдущий. И только через год сестра Бенедетта позвала ее в свои служебные покои наставницы музыки, используемые иногда для приемов важных особ — покровителей приюта или благородных дам из благотворительных обществ.

Диана робко вошла, подняла взгляд и едва не бросилась на шею сидящему за дубовым столом фра Фелициано, горячо надеясь, что вот сейчас он возьмет и вернет ее домой! Она снова увидит маму с папой, и бабушку, и братьев с сестрами!

Но под строгими взорами стоящей рядом наставницы и незнакомого горбоносого доминиканца, сидевшего поодаль, Диана сделала скромный реверанс и потупила глаза.

— Подойди, дитя, — голос незнакомого монаха был властным и звучным. — Ответь, за этот последний год выходила ли ты «в духе»? Как там у вас? На битву?

— Нет, мессер. Не выходила. И не на битву. А к Светлой Госпоже. Женщины выходят к Светлой Госпоже.

Монах поморщился, словно хлебнул уксуса, и махнул рукой:

— Хорошо. К Светлой Госпоже. Ну же? Не стесняйся.

— Нет, преподобный отец.

— Ни разу? А сны? Видишь ли ты подобные сны? Когда духом летаешь?

— Нет, преподобный отец, — ее ответ был искривлен. В своих снах она не летала ни над городами, ни над лесами или морем и в звездную вышину не поднималась. Просто как-то сразу оказывалась на залитой нездешним светом поляне. А о полетах знала лишь по рассказам бабушки.

Монах откинулся на спинку стула.

— Что и требовалось доказать. Ни один из детей... ни один не обладает настоящим даром. А ведь я твердил, что никакой специальной магии бенанданти не существует. Есть сила, которую мы называем духовной или, если угодно, — магической, и разные способы ее применения. Эти, по-видимому, черпают ее из места, где живут. Может, и от семьи, рода... Их оторвали от земли, и этой силы не стало, — он обращался к задумчивому фра Фелициано.

Тот лишь скривился.

— Признаю, брат Микеле. Мой проект провалился. И все же... Все же я вырвал несколько душ из когтей опасного дьявольского искушения.

Повисла пауза. И только Диана набралась храбрости спросить священника, когда он наконец вернет ее домой, как второй, строгий фра Микеле махнул рукой наставнице.

— Отведите воспитанницу на занятия. Пусть продолжает жить здесь, как и раньше, — и сестра Бенедетта, сжав ладонь, молча, почти насильно вывела Диану в коридор. А она почувствовала себя так, словно ее с головой окунули в стоячую воду, разом затушив радость и надежду вернуться.

Диана глубоко вздохнула, возвратившись мыслями в реальность.

За четыре года пребывания в Светлейшей Венеции из всего «прекраснейшего» она видела лишь строгие стены Ospedale della Pietà, маленький внутренний дворик и приходскую, небогато украшенную капеллу. Да прошлым Рождеством — церковь Сан-Джованни ин Брагора, куда ее взяли вместе с церковным хором, чтобы перелистывать ноты и подносить партитуры поющим и играющим на музыкальных инструментах девочкам. Да еще, если везло и

никто не мешал, то, поднявшись на верхние этажи приюта, она жадно разглядывала лагуну и острова Сан-Джорджо и Джудекка с кораблями и гондолами, снующими по водам залива.

Оторвавшись от воспоминаний, Диана развернулась и бегом бросилась к музыкальному классу, пока сестра Бенедетта не потеряла терпение и не послала кого-нибудь по ее душу. Когда у тебя напрочь отсутствует музыкальный слух, не стоит лишний раз злить настоящуюницу хора. Которая и так с трудом терпит твое присутствие в элитном музыкальном классе, не понимая, как и большинство, почему вынуждена это делать, и называет тебя не иначе как «девочка при хоре». Успех в постижении письма, каллиграфии и основ латыни классную даму совершенно не интересует. Как и не интересует умение готовить мази и уксусные настойки, за что Диану неизменно нахваливает сестра Антония. А уж ее любимое умение смешивать краски и копировать красивые заглавные буквы или миниатюры из иллюстрированных житий святых в крохотном книгохранилище приюта под ласковым взором сестры Катерины так и вовсе раздражает. Единственным полезным искусством, кроме обычных умений, необходимых в жизни всякой девушки, сестра Бенедетта считает музыку, и только музыку. А себя — чуть ли не единственным проводником божественных гармоний в этот несовершенный мир. Усохшим таким, с вечно недовольным лицом и сжатыми в брезгливую линию губами, проводником.

Дверь резко распахнулась, и от неожиданности, не успев притормозить, Диана влетела в музыкальную залу, где лучшие воспитанницы обучались сольфеджио, пению и игре на «пристойных, подходящих девицам инструментах», запнулась о низкий порожек и растянулась на полу. Нотные листы с партитурами и тетради с записями псалмов веером разлетелись по классу.

Медленно, с замиранием сердца, она поднимала взгляд вдоль нависшего над ней подола грубой шерстяной туники наставницы, мимо нервно скрещенных рук поверх черного скапулярия* (*элемент католической церковной одежды*), к застывшему в гневе худому лицу, обрамленному черной вуалью. И неожиданно на секунду увидела себя глазами монахини — такой, какой ее видит сестра Бенедетта: «зеленоглазой ведьмой» и «нечистым отродьем». Девушкой, слишком дикой для этих стен.

Отведя глаза, Диана пробормотала извинения и начала поспешно собирать рассыпавшиеся листы, искренне надеясь, что преподобная сестра не придаст особого значения случившемуся.

— Диана, дитя, что означает твое столь поспешное появление здесь? Разве пристало порядочной девице бегать, словно неразумному ребенку?! — голос наставницы был приторно сладок, что не сулило ничего хорошего. — А твои волосы?! Посмотрите-ка все, как не надо появляться на людях! — обратилась она к остальным воспитанницам, указывая воздетым перстом на выбившиеся из-под косынки пепельно-русые выющиеся пряди, всегда вылезающие не ко времени и ни к месту.

Диана бросилась заправлять их под ткань платка, снова выронив пару нотных записей. Щеки пылали.

Орсола, лучшая подруга и самая красивая девочка хорового класса, начала поднимать выскользнувшие листы, пытаясь сгладить гнев сестры Бенедетты и возникшую неловкость.

— Тот, кто утешает провинившегося, и сам пребывает в греховой ошибке! — как всегда, досточтимая сестра не говорила. Она изрекала. Торжественно и напыщенно, словно выступала то ли перед епископом, то ли перед самим дожем.

Подруги переглянулись, и на губах Орсола мелькнула улыбка, к счастью не замеченная монахиней. Кто-то из девочек, кажется, Франческа Цатта тихо фыркнула, но тут же осеклась под строгим взглядом монахини. Та всем корпусом уже развернулась к понявшей свой промах воспитаннице.

— Дитя мое, поведай, чего смешного ты услышала в моих речах?

Франческа, постоянно попадающаяся на каких-то мелких прегрешениях и частенько лишаемая за это ужина, переменялась в лице, и Диане стало ее жаль.

— Сестра Бенедетта, Франческу рассмешила моя неловкость! Извините...

Монахиня раздраженно взглянула в ее сторону.

— Разве я позволяла тебе говорить? Тебе так необходимо выделиться среди воспитанниц? Ну то ж... петь ты не умеешь. В таком случае иди и прочитай нам вслух поучения святых отцов, — она кивнула на толстую книгу, разложенную на столе, которую всюду таскала с собой.

Диана послушно подошла к столу и, вздохнув, громко начала читать первые увиденные строки, особо не вдумываясь в смысл:

«Христос нас учил любви, он сам и есть любовь. А какой образ веры вы запечатлеете в хрупких душах? Глядя на вас, они возненавидят добродетель, ибо вы превратили ее в бич. Не вы ли должны быть зеркалом Христа, а не его палачом?»

Кто-то снова тихонечко хмыкнул, Диана подняла взгляд на переменявшуюся в лице настоятельницу хора. Та шумно сплотнула.

— Хватит. Довольно. С этого момента ты помогаешь в прачечной. Уж слишком много мечтаешь в последнее время, отсюда рассеянность и расхлябанность! И никакого времяпровождения с сестрой Катериной! Ставь партитуры вот сюда, — она указала на свой заваленный бумагами стол, — а эти вот ноты отнесешь назад. Заодно предупредишь, чтобы сестра не рассчитывала на твою помощь некоторое время. Займешься чем-то более соответствующим твоему таланту, что, наконец, вернет тебя на землю!

Диана молча кивнула, стараясь ничем не выдать своего разочарования, взяла врученные ей ноты и двинулась назад по гулкому коридору к камерке, занимаемой приютской библиотекой. Не помогать сестре Катерине... Несколько дней! Не смешивать красок, не держать в руке кисти, не рисовать! Уж лучше бы ее заперли одну в холодной келье или лишили обеда вместе с ужином.

Сестра Катерина повздыхала расстроено, добродушное круглое лицо на мгновение приняло сердитое выражение, сделавшее ее похожей на нахохлившегося лесного дрозда, но уже в следующее мгновение просветлело:

— Дианетта, детка, все это сушие пустяки! Сейчас я сообщу тебе нечто, что тебя, несомненно, обрадует! Да что там обрадует — осчастливит! Но только если обещаешь держать язык за зубами и не выдашь меня!

Столь интригующее начало заставило Диану торжественно поклясться молчать. Она с интересом и даже волнением уставилась в карие глаза любимой наставницы каллиграфии, которая заодно приглядывала за приютским книгохранилищем.

— Тебя собираются удочерить!!! Нет, не фыркай так скептически! Речь идет не об абы ком! Твой родной дядя! Брат твоей матушки. Уж который месяц хлопочет об этом по просьбе твоих... Не стала рассказывать тебе об этом раньше, чтобы не вселять ложных надежд. Но теперь... Так что, милая моя, еще месяц-другой — и мы расстанемся. И не хмурься! Твой ангел-хранитель расстарался не на шутку! Ты знаешь, кто он, брат твоей матери? — убедившись, что воспитанница отрицательно и недоуменно качает головой, сестра Катерина торжественно и радостно провозгласила. — Твой дядя, Джероламо ди Артеня — художник! Пусть не из самых известных, но он член Гильдии декоративных и прикладных маляров — Арте деи Дипинтори. Художник! А?! Как тебе такая новость?!

Диана потрясенно молчала, ловя воздух ртом, словно рыба, выброшенная на сушу. С первых дней пребывания в приюте она страдала, мучилась вопросом — почему ее все забыли, и мама, и папа, и даже бабушка?! Почему никто не заберет ее отсюда? Со временем стало понятно, что сделать это нелегко, что, возможно, они попросту не знают, где она. Но душу глодала обида — могли хотя бы попробовать! Бабушка... ведь она могла бы поискать ее по-другому, по-своему... И вот все оказалось совсем не так, как она думала! Ее искали, за нее

хлопотали. И дядя... Она слышала о родном мамином брате, гордости семьи, преуспевшем в самой столице. Но представляла его эдаким сказочным персонажем, живущим где-то там, далеко-далеко... Девочка шумно выдохнула и бросилась на шею сестре Катерине, слезы сами, вопреки воле, нахлынули на глаза.

— Ну, ну! Что ты, деточка! Все хорошо будет! Сейчас уже точно! Потерпи еще немножко! — монахиня провела теплой ладонью по ее щеке. — А теперь ступай. И никому ни слова. Хотя и знаю я вас, девчонок. Болтушки. Ступай.

Остаток дня, прошедший в наполненной паром кипящих котлов прачечной за полосканием белья в чанах с ледяной водой, с перерывом на обед и молитвенное чтение, протек в каком-то тумане, в грезах о будущей жизни, совсем не похожей ни на эту, ни на ту, что осталась в далеком детстве. И подумать только — о жизни в доме художника!

Орсола, заметив волнение подруги, порой кидала косые взгляды из-под опущенных густых ресниц в ее сторону. Но расспрашивать принялась лишь по окончании вечерней молитвы, когда девочки из музыкального класса начали укладываться в узкие кровати, стараясь как можно удобнее угнестись на соломенных матрасах. Она расплела свои толстые косы, прошлась гребнем по золотистым волосам, перекрестилась на распятие, висящее в изголовье, и, укутавшись одеялом, наконец спросила Диану, лежащую на соседней койке, — что случилось такого, что та ходит целый день словно зачарованная.

Диана потянулась к уху соседки:

— После я тебе все-все расскажу, когда никто услышать не сможет! Это... это так неожиданно!!! Я прям... я поверить не могу... И мне немного страшно. Слишком все... здорово складывается!

— Эй, там, может, хватит шептаться! Фурланка*, (*фурлане* — название жителей области *Фриули*) Дианетта, давай, рассказывай, что случилось! Мы все заметили, что тебя словно подменили. Уж не из-за прачечной ли такая драма? — раздался голос слева. Кажется, это говорила Аньолетта, прозванная однокашницами Агнессой с Моста Грудей, по месту промысла ее матери и нимало не стыдящаяся этого.

— Нет! Прачечная тут ни при чем, — Диана лихорадочно соображала, что бы рассказать соседкам по спальне. Наконец придумала. К тому же этот вопрос до сих пор нешуточно ее волновал. — Просто сестра Бенедетта опять напомнила мне, кто я. А какое время приближается? Великий пост и весенний эмбер... ну, вы поняли.

— Никак решила раскаяться в грехах?! — тоненько хихикнула Франческа Цатта из противоположного угла спальни.

— Да нет же! — преодолев легкое раздражение, ведь та специально ее поддевает, Диана присела на кровати. — Как будто вы не знаете! Сто раз уже рассказывала!

— Так Расскажи еще раз! С тебя убудет, что ли? Интересно ведь!

— Давай, фурланка!

— Ладно, мне не жаль! Только уж не упоминайте это при сестре Бенедетте! Прошлый раз меня чуть живьем не съела за греховные рассказы. Слушайте.

Эту историю она повторяла уже не единожды, как и другие, о лесе, своем доме и селе, а главное, о бененданти. Ей хотелось, чтобы подруги видели тех, о ком она рассказывает, не темными дикими селянами, а такими, какими видит их она — храбрыми, свободными. Защитниками от зла.

Диана поудобнее уселась на жестком матрасе, подоткнула одеяло и начала:

— Моя бабушка, мать отца, Катарина Зампелис ди Годия, самая старая и уважаемая из Светлых ходоков в нашем селе. А сколько всего знает — вы не поверите! К ней на лечение со всей округи люди съезжаются! Сестра Антония и в половине всяких трав и зелий не разбирается, как моя бабуля. Я ее единственная внучка, которая, как и она, родилась “в рубашке”, с

родовым пузырем на лице, так мне рассказывали. А это означало, что и я должна стать бенанданти, Светлым ходоком, защитницей урожая. Как многие мужчины и женщины нашего рода, — Диана обхватила руками плечи, представляя вереницу образов людей, живших задолго до ее рождения.

— Вот, везет же некоторым! Я, может, тоже “в рубашке” родилась. Да кто ж мне об этом скажет? Сколько себя помню — всю жизнь в Приюте Милосердия. Хоть бы, как наша Орсетта, помнить лицо своей матушки. Так нет. Ни-че-го! — горестно прервала рассказ Дианы Франческа Цатта. На нее зашикали, и в комнате повисла пауза.

В памяти Дианы всплывали мельчайшие подробности того дня, когда, покинув духом спящее тело и совершив свой первый полёт, она попала прямо на Великую Битву — ту, что испокон веков вершилась каждые четыре года в первую неделю Великого поста.

Орсола прикоснулась к ее руке, и Диана вздрогнула, словно проснувшись. Оглядела едва видимые в темноте, освещенной глухим огоньком лампадки, лица и продолжила рассказ, в мыслях снова переживая шок и удивление той ночи:

— Мы, бенанданти, рождаемся для того, чтобы охранять наши сёла и города от злого колдовства. Четырежды в год — во время эмбера, дней поста и покаяния, когда границы между миром людей и миром духов истончаются, — в наш мир приходят тёмные силы. В те дни злым ведьмам и колдунам раздолье! Тогда они сильнее всего. Могут безнаказанно губить урожай, морить скот, выпивать жизненную силу из обычных людей, особенно младенцев и детей. Творить такие проклятья, что честные люди будут беднеть, а они от этого богатеть. Вот против таких-то мужчины бенанданти и выходят на битвы. Зимнюю, весеннюю, летнюю и осеннюю. А женщины встречаются со Светлой Дамой. Кто-то говорит, что это сама Богородица приходит учить их врачеванию, знанию трав, умению принять роды, защитить от зла свой и чужие дома... А некоторые женщины-бенанданти умеют увидеть приближающуюся к человеку смерть и отвести ее! Правда, отец Филициано называл это еретическим заблуждением и злом. Но если бы он хоть раз увидел Светлую Госпожу, то понял, что она — что угодно, только не зло! Она такая... красивая, что глаз не оторвать. И добрая! Так вот. Выходят бенанданти своим духом, когда тело спит. И будить их тогда не стоит — дух может заблудиться, не вернуться, и человек умрет. А чтобы дух вернулся, не потерялся — у каждого бенанданти есть вот такая, как у меня, ладанка. В ней зашит крохотный кусочек от высушенного плодного пузыря.

Кто-то тихонько ахнул, а Аньолетта, пробормотав начало «Ин номине Патрис», недовольно прокомментировала:

— Лучше б ты отца инквизитора слушала, а не рассказы своей бабки ведьмы!

— Сама ты ведьма! — Диана могла бы пропустить мимо ушей насмешку в свой адрес, но Аньола задела бабушку! — Иногда лучше помолчать и не показывать своей трусости и глупости!

Орса тут же вступила в перепалку.

— Рассказывай, Дианетта! Агнесса у нас в святые метит, так что, если ей не нравится — пусть не слушает! Вон, псалом какой-нибудь вспомни и читай. Только про себя, нам не мешай! — бросила она обиженно сопящей соседке по спальне.

Диана протянула руку и благодарно сжала ладонь подруги. Вздохнула и продолжила, стараясь подобрать слова так, чтобы понятно описать приключившееся с ней событие, увлекаясь и припоминая подробности.

— Но есть особые дни, которые повторяются раз в четыре года, в первую неделю Великого поста. Тогда не только мужчины, но и все женщины со всех окрестных земель слетаются на Большую битву. Тут и бенанданти, и крестники из Далмации, здухачи из Зеты* (*современная Черногория*) и даже из Рашки* (*историческая область Сербии*), все-все Светлые ходоки!

А против них маланданти — и колдуны, и ведьмы, и нечистые духи! И от того, кто победит, решится, будет ли мир, родят ли рожь и пшеница, случится ли моровое поветрие. Если победим мы — всем хорошо! А вот если маланданти — жди беды, да немалой! К такой битве все готовится заранее. Моя бабушка постилась, читала специальные молитвы, окуривала дом и пила отвары из волшебных трав. Я тогда еще маленькой была, только десять лет исполнилось, в таком возрасте бенанданти обычно еще не выходят из своих тел.

Перед глазами Дианы живо встали низкие каменные стены дома, увешанные пучками сухих пахучих растений, широкая дубовая кровать, которую она разделяла с сестрами и братьями, и ароматный запах дыма. В ту ночь сон никак не приходил к ней. От очага веяло теплом, отблески огня играли на закопченных потолочных балках, создавая причудливые тени. Тихое дыхание домочадцев умиротворяло, и постепенно она начала погружаться в дрему. Пока не началось ЭТО...

Сперва ей показалось, что затряслась кровать, а вместе с ней целый дом. Тряска нарастала, в ушах раздался странный гул. Навалился такой страх, что она не могла ни пошевелиться, ни проснуться. А когда рванулась из этого страшного оцепенения, увидела себя со стороны. Крепко спящей, уткнувшейся носом в подушку возле лица сестры. Новая волна ужаса заставила взглянуть на себя, ту, что смотрит сверху, и нахлынувшее удивление смыло страх. Она была кошкой. Маленькой серой кошкой, котенком. Она протянула руку и с удивлением увидела пушистую лапу с белым “носочком” и цепкими коготками. Инстинкт погнал ее куда-то прочь от дома, вверх, по воздуху, над крышами села, над лесом. Всё выше и выше, в бескрайнюю темноту ночи, расцвеченную россыпями незнакомых созвездий.

Наконец впереди мелькнул свет. Яркий, живой. И Диана очутилась на самом чудесном поле из всех, которые когда-либо видала. Цветы, как знакомые, так и никогда ею не виданные, светились, переливаясь теплыми разноцветными огнями. Трава, небо и всё вокруг было невообразимо ярким и в то же время умиротворяющим. Она вновь осознала себя, с радостью обнаружив, что снова стала девочкой. Внимательно огляделась по сторонам. Страх совсем не осталось — это место было слишком прекрасным, чтобы бояться.

Поодаль стояли люди. Много человек. Обычных и не очень. Тоже светящихся неярким золотистым светом. Она попыталась найти среди них бабушку, но людей было столько... Облик их расплывался, то и дело слегка меняясь. Диана приблизилась к этим выстроенным в длинный ряд фигурам. Лиц, сколько ни старалась, разглядеть она не могла. Кроме одного — во главе этого собрания стоял рыцарь без шлема, с развевающимися светлыми волосами и чеканным профилем, в сияющих белизной и золотом доспехах и золотым знаменем на сверкающей пике. Именно так, по мнению девочки, должны были выглядеть ангелы, разве что крыльев не хватало. Белый конь под ним стоял смирно, лишь изредка потряхивая благородной мордой. Все смотрели на всадника, словно ожидая приказа.

Оторвав взгляд от прекрасного рыцаря, Диана обнаружила шеренгу людей, стоящих напротив, с первого взгляда ничем не отличающихся от тех, в ряды которых ее занесло. Но что-то в них показалось ей чудным и даже страшным. Она не сразу поняла, что от тех не струится теплый свет. Они стоят, словно окутанные клубами туманной тьмы, такой нелепой, неуместной в этом месте. И среди них тоже возвышается рыцарь — огромный, страшный, чернобородый, с красным вымпелом на черной пике. Только сидит тот не на благородном скакуне, а на бесформенном сгустке мрака, постоянно меняющем форму, превращаясь то в черного змея, то в крылатого демона. От этого зрелища ей стало не по себе.

Тут люди, что стояли рядом, увидели ее, и какой-то мерцающий теплым свечением мужчина, показавшийся ей очень большим, наклонился и приказал возвращаться домой, немедленно ни секунды. Полная женщина в таком же золотистом ореоле произнесла, что поздно, и ее голос прозвучал прямо в голове. Она сунула Диане в ладонь длинный стебель невзрачного растения с

резким ароматом — фенхеля — и приказала обороняться им от нападения других, тех темных, и ничего не бояться. Диана и не боялась — все происходящее казалось волшебной сказкой.

Неожиданно раздался странный протяжный звук, и поле оживо. Противостоящие воинства двинулись навстречу, а она осталась стоять, словно вкопанная, с изумлением наблюдая, как светлые и темные фигуры бросаются друг на друга, стараясь ударить противника стеблем, зажатым в руке. Ей даже стало смешно, всё это напоминало нелепую детскую игру, которую почему-то ведут взрослые, с азартом и задором лупя один другого по чему придется. Вот темный гибкий силуэт молодой женщины отделился от общей схватки и быстро приблизился к ней, так и не сдвинувшейся со своего места. Расплывчатое лицо, обрамленное распущенными, клубящимися словно змеи волосами, мелькнуло, смерив ее черными провалами глаз, раздался свист, и Диана почувствовала резкий удар, отдавшийся острой, непереносимой, но совсем не телесной болью. Ее сковал страх, а рука женщины, зажимающая стебель сорго, вновь поднялась для удара. Светлый вихрь сбил темную с ног, потащил прочь от застывшей в испуге девочки. Две фигуры, сцепившись, покатались по лугу, давя и срывая головки цветов.

И тогда она побежала. В панике, без цели. Лишь бы подальше от этой свары. Заметалась, поднимаясь всё выше над местом схватки, видя, как Светлых ходок сминает атака малефиков, вынуждая отступать к краю поля. И как там, где прошли маланданти, прекрасный луг превращается в пепелище. Как светлые вновь медленно смыкают ряды и теперь сами теснят темных. Как малефики разбегаются под их напором, покидая чудесное поле, как за ними устремляются бенанданти, и вновь вернувшийся свое свечение луг постепенно пустеет.

Диана же бестолково, словно испуганный воробей, всё носилась и носилась, глядя откуда-то сверху на опустевшее поле битвы, и никак не могла его покинуть, постоянно возвращаясь на одно и то же место. Она напрягала все силы и бежала, летела, куда глядят глаза, но неизменно оказывалась там же, откуда начинала свой бег, или, если быть точнее, полет. Когда паника захлестнула ее, а отчаяние достигло пика, Диана почувствовала чье-то присутствие. В ужасе развернулась и с облегчением поняла, что от возникшей рядом фигуры идет теплый свет, яркий и успокаивающий. Она замерла на месте, а человек приблизился к ней, и, к своему удивлению, Диана поняла, что это не взрослый, а долговязый мальчишка, постарше ее. Смотрит и поигрывает в руке стеблем фенхеля. Такого же, какой вручили ей и который она успела потерять.

Он улыбался. Лица, как и у всех здесь, разглядеть она не могла, но могла поклясться — его улыбка была невероятно милой, сразу же захотелось улыбнуться в ответ.

— Ты потерялась и не можешь вернуться? — вопрос прозвучал прямо в голове, и она, не зная, как отвечать, энергично ею затрясла. Мальчишка засмеялся и передразнил, изобразив, как она машет головой. Он проделал это так забавно, что развеселил и ее. Они парили над светящимся полем, пытаясь разглядеть друг друга и заливались смехом. Наконец он протянул ладонь:

— Хочешь, я отведу тебя домой? Людям иногда случается заблудиться и застрять здесь... а я умею найти их дом, лишь бы нить была крепка, — его слова звучали важно, в них сквозила нотка превосходства, но она обрадовалась.

Диана ни слова не поняла, о какой нити идет речь, снова глупо закивала и почувствовала прикосновение к руке его ладони — словно дуновение теплого воздуха.

Теперь мальчик тянул ее прочь от прекрасного луга в пугающую темноту, и она дернулась, не желая окунуться во мрак.

— Да не бойся ты! Смотри! — он ткнул себя в грудь и повел рукой в сторону, и тут она увидела и поняла, что он имел в виду. От центра его груди куда-то в бесконечность уходила светящаяся тонкая струна, та самая нить. Диана огляделась и обнаружила такую же у себя, тянущуюся от ладанки, неизменно висящей на шее рядом с нательным крестом, выходящую, переплетающуюся с нитью мальчишки.

— Просто иди по ней, и вернешься домой! Ничего проще! — он потянул за руку, и Диана вновь ощутила стремительное движение, полет. Уже через мгновение она висела над крышей своего дома, над пустым двором, темными сараями и коровником.

Мальчик все еще держал ее за руку, а ей все никак не удавалось увидеть черты его лица.

— Ну вот ты и дома, — вздохнул он. — Ладно, прощай! И не забывай о своей нити в следующий раз!

Он выпустил ее кисть и начал медленно удаляться, таять в воздухе. Диане стало зябко, хотелось вновь ощутить тепло прикосновения.

— Постой! Мы увидимся еще? — это были ее первые слова за все это время. Светящаяся фигура неожиданно и резко вновь возникла прямо перед ней.

— Четыре года! Через четыре года! — на мгновение долговязый силуэт приблизился, и Диана почувствовала прикосновение теплых губ к своим, после чего провожатый исчез, а она очнулась в своей кровати, окруженной испуганными и взволнованными родителями и бабушкой.

Диана замолчала, молчали и девочки, переваривая только что услышанное. Наконец голос подала Франческа Цатта:

— Так ты с ним поцеловалась?! С мальчиком?! О-па! Этого ты нам раньше не говорила! Диана ощутила, как кровь бросается в щеки и заливают уши, и порадовалась, что тусклый свет лампы не дает этого увидеть.

— Нет же! Это же было... не по-настоящему! Это не считается!

— Еще как считается! — ехидно возразила Агнесса. — Кто бы мог подумать?! Наша безголосая Дианетта! Ведьма-искусительница! — хихикнула она.

— А ты видела его потом? В другие разы, когда выходила духом из тела? — Орсола задала вопрос, от которого стало как-то немного грустно.

— Нет, Орсетта. После я выходила совсем в другое место, на другое поле. Там стоял колодец, а возле него сидела Светлая Дама. И там были только женщины. А она всех учила. Как лечить, как защищать... Я не знаю даже, существует ли тот мальчик на самом деле и откуда он.

— Значит, та самая светящаяся нить идет прямо из твоей ладанки, — снова прервала ее Агнесса.

— Ну да. Я потом не проверяла. Как-то само возвращаться получалось. А когда меня привезли сюда — и вовсе перестала выходить “в духе”. Так, совсем немного... Но скоро, кажется, проверю. Прошло четыре года... Ладно, давайте все спать. Завтра вставать рано.

Когда спальня погрузилась в относительную тишину — где-то на краю еще невнятно шептались девочки, а кто-то начал похрапывать, — Диана склонилась к уху Орсола и пересказала дневной разговор с любимой наставницей.

— Так скоро мы расстанемся?! — не на шутку огорчилась подруга.

— Наверное, да. Ну и что? Совсем скоро и ты выступишься из приюта, выйдешь замуж или тебя оставят преподавать здесь! Мы найдем друг друга! И что нам мешает дружить дальше?!

В темных миндалевидных глазах Орсетты мелькнул отблеск огонька лампы:

— Обещаешь?

— Клянусь!

Следующий день прошел так же, как и предыдущий, с той лишь разницей, что после мессы, обязательного обучения катехизису, чтению и постного неаппетитного завтрака вместо занятий рукоделием, каллиграфией и приготовлением лекарственных снадобий Диана трудилась в приютской прачечной, бесконечно полоская и развешивая простыни и пеленки, длинные девичьи рубашки и детские распашонки. Работы было так много, что даже на то, чтобы помечтать, представляя себе скорое будущее, сил не оставалось.

А когда после обеда в молитвенном классе сестра Бенедетта поманила Диану к себе, надежды на то, что наставница сменит гнев на милость, пошли прахом, стоило лишь взглянуть в ее лицо.

— Диана, дитя, подойди-ка ко мне поближе! — тон и голос святой сестры были такими тягучими и сладкими, что по спине девочки от неприятного предчувствия побежали холодные мурашки. — А ну-ка, покажи мне твой нательный крест! — сестра Бенедетта стремительно протянула руку и крепко схватилась не за него, а за крохотную ладанку на шее воспитанницы.

Волна нешуточного страха окатила Диану. Она почувствовала секундную слабость, панику и попыталась вырвать свой оберег из рук воспитательницы. Щеку обожгла звонкая пощечина, а наставница, резко дернув за грубую нить, сорвала ладанку с ее шеи и зашипела:

— Я, кажется, уже не раз говорила — прекрати свои дьявольские рассказы!!! Ты впадаешь в грех самообольщения сама, но этого мало — ты вовлекаешь в него других воспитанниц!

Взгляд Дианы сосредоточился на ладанке, раскачивающейся в руках монахини: влево-вправо, влево-вправо. Весь мир сосредоточился на этом предмете, горло пересохло...

— Пожалуйста, сестра Бенедетта!!! Пожалуйста, верните мне ее!!! Это мое, из моего дома!!! — Диане казалось, что она кричит, но голос звучал едва слышным, жалким писком.

Сестра Бенедетта оглядела сбившихся в кучку девочек, со страхом и жадным любопытством наблюдающих за происходящим, и подняла над головой свою добычу.

— Вот как следует поступать с погаными языческими суевериями! — она брезгливо, двумя пальцами, словно огромного паука, зажала крохотный, вышитый бабушкой мешочек, сделала два шага к камину и швырнула его на тлеющие угли.

Диана почувствовала слабость и головокружение, мир поплыл и завертелся, теряясь во вдруг повалившем от углей густом белом дыме, запахе ладана и вспышке пламени. А следующим ощущением были жесткие ладони наставницы, похлопывающие ее по щекам.

— Я же говорила, ничего страшного! Уж я отучу вас от глупостей! Очнулась? — холодные рыбы глаза уставились ей в лицо. — Вот и хорошо! Отныне после завершения своих обязанностей в прачечной отправляешься в изоляцию, пока не опомнишься! Довольно смущать умы воспитанниц! Десять дней поста на воде и холодная келья!

Диана водила ладонью по груди, ощущая такую пустоту, словно вместе с ладанкой оторвалась и сгорела очень важная частица ее самой. В голову тупо и равнодушно толкнулась мысль: “Начинается весенний эмбер... Уже скоро”.

Глава вторая

В крохотной неотапливаемой келье согреться не получается, как ни старайся и ни заматывайся в тонкое одеяло. Руки трескаются от цыпок. И сон, как назло, не приходит, несмотря на усталость. Интересно всё-таки, кто пожаловался сестре Бенедетте? Впрочем, какая разница... Скоро её здесь не будет, и единственной, по кому она будет скучать, и скучать сильно — это Орсетта, Орсола ди Марина, дочь честной куртизанки, чью мать в приступе ревности убил какой-то рьяный любовник.

Орсетта помнила и иногда рассказывала Диане про счастливое время, когда жила в большом светлом доме, окружённая заботой прислуги и любовью матери. В Приюте Милосердия она сумела пережить своё горе, справиться и с суровыми, в сравнении с предыдущей жизнью, условиями, и страхами, и ревностью девочек. Наверное, поэтому была мягкой и доброжелательной снаружи и решительной, даже твёрдой внутри. По непонятной причине, с самых первых дней Орсола взяла новенькую под свою опеку: разъяснила правила и тонкости поведения в этом богоугодном заведении и первое время защищала от нападок старших воспитанниц. И делала это до тех пор, пока Диана не освоилась настолько, что всякого, кто пытался обидеть, пришлось защищать уже от неё. Подруга, которой можно рассказать всё — абсолютно всё, и быть уверенной, что ни одна живая душа не узнает о рассказанном. Которая не подведёт и не выдаст. И ещё, пожалуй, будет доставать наставницы каллиграфии...

Что случится, когда её природа бенанданти снова отделит дух от тела и отнесёт его на место Великой битвы, Диана старалась не думать. Она не хотела признаваться себе, что побаивается, и тайно надеялась, что, если уж жизнь увела её так далеко от дома, может, ничего и не случится — ведь и встречи со Светлой Дамой здесь стали редкими и отрывочными. И в то же время жарко желала вновь увидеть сияющие фигуры, прекрасного светлого рыцаря, и, может, если повезёт — бабушку. И того мальчишку.

Диана опять заворачивалась на досках кровати, пытаясь хоть как-то укрыться от вездесущих сквозняков, разносящих по келье запах плесени и сырости. Наконец, обхватив плечи руками, ей удалось прикорнуть, погрузившись в поток серых образов, когда, на самой границе крепкого сна, сознание снова уловило нарастающую дрожь.

Как и в первый раз, охватил страх, но на сей раз она знала, что её ожидает, и страх отступил. Зато мысль, что теперь с ней нет заветной ладанки, пугала, но она старалась не размышлять о том, что будет потом.

Диана зеленоглазой кошкой вновь бежала в бесконечную тьму, точно угадывая направление звериным инстинктом, ожидая в любой момент увидеть свет небесного луга. Но очутилась на нём как-то сразу — секунду назад неслась во мраке, перебирая ловкими пушистыми лапками, и вот уже очулась среди сияющих зарослей, и не кошкой, а собой — тонкой высокой девушкой-подростком.

Она провела ладонью по нежным соцветиям. От золотого зверобоя пахнуло теплом, солнцем и силой этого места. Диана зачарованно разглядывала его, затем нагнулась и сорвала один стебель с россыпью ярко-жёлтых цветов, оказавшийся, в отличие от земного, мягким и гибким, и машинально заткнула его за пояс грубого платья. Найдя по пути цветущий невзрачными зонтиками, но пряно пахнущий мёдом и летом фенхель, она сорвала и его, вспомнив предыдущий опыт. И вновь увидела длинную шеренгу выстроившихся в ряд Светлых ходоков, с неизменным рыцарем-капитаном во главе. Её приветствовали как старую знакомую, как свою. При этом голоса раздавались прямо в голове, а она озиралась в попытке найти, почувствовать кого-то из близких. Ну или того мальчика, который, наверное, уже вырос в юношу. Она была уверена, что узнает его, несмотря на невозможность видеть лица. Но не успела. Их капитан приложил

к губам белый рог, и длинный мелодичный звук пролетел над полем. Ему вторил другой — раскатистый, похожий на рёв быка. Великая четырёхлетняя битва началась.

На сей раз Диана не стояла. Её дух сам бросился в гущу схватки. Она бежала, стегала, уклонялась и получала удары, всё сильнее распаляясь и входя в азарт, одновременно испытывая странную раздвоенность — часть её наблюдала за схваткой словно со стороны. Краем глаза она заметила, что противоборствующие пытаются ударить друг друга, хлестнув крест-накрест, и получивший такой удар надолго выбывает из драки, оставаясь лежать на траве, собирая крохи оставшихся сил, чтобы убраться с небесного луга.

Фигуры метались, катались по траве, летали над полем. Несколько раз её хлестнули стеблями сорго — больно, но не нанеся серьёзного вреда. Несколько раз она сама попала по расплывающимся тёмным туманом противникам. Диана потеряла счёт времени, впрочем, в этом месте времени словно не существовало. Битва из хаотичной драки всех со всеми переросла в организованное дружное наступление бенанданти. Ещё никогда ей не приходилось чувствовать такую силу, которую бабушка называла магической, переливающуюся по рядам Светлых ходоков. Диану захватила эйфория победы.

Когда последний тёмный бежал с поля боя, мерцающие фигуры закружились в огромном хороводе, который затем распался на группы и пары, рассыпающиеся в разные стороны. Её манили и звали с собой, и она полетела куда-то сквозь тьму с весёлой шумной компанией молодых и не очень людей, то ли из окрестностей Триеста, то ли откуда-то из Далмации.

Их несло над черепичными крышами незнакомого города, словно стаю светящихся стрижей, которые лавировали между каменных стен, облетали ратуши и шпили церквей, заглядывали в переулочки, выискивая источники воды. Всех одолевала жажда, вызванная недавней битвой. Они ныряли в колодцы, залетали прямо сквозь стены в погреба трактиров, припадали к воде или вину, жадно пили и снова продолжали полёт. Постепенно от стремительно летящей компании начали отделяться и исчезать сплетённые в страстных объятиях пары, взгляд на которые заставлял её краснеть, затем люди поодиночке растворялись во мраке ночи. Пока Диана не осталась одна.

Она всё ещё наслаждалась полётом, разглядывая с огромной высоты мрачные заросшие вековыми лесами горы, редкие спящие поселения и ломаную линию морского берега, постепенно светлеющую от зарождающегося на востоке рассвета. Но откуда-то из глубин сознания тяжело всплыла неприятная тянущая мысль, что она должна вернуться. Вернуться в серый мир, где нет полётов и первых отсветов холодного солнца над морем... Одолев искушение рвануть дальше, навстречу водной глади, Диана остановилась и, поборов возвратившийся было страх и неуверенность, сосредоточилась в поисках светящейся струны, нити, соединяющей её с телом — и увидела её.

Тонкую, прозрачную и почти невидимую, но увидела!

Девочка потянулась вдоль этой нити, и всё пришло в стремительное движение, перемешавшее верх и низ, горные вершины и блеск моря...

Диана очнулась над плотными рядами крытых черепицей кирпичных домов и белокаменных палат, густо засеявшими острова и островки, разрезанные лаковыми линиями водных каналов. Она парила над золотыми крестами на куполах, украшенных мозаикой и скульптурами соборов, отражающихся в мирных водах лагуны. Над лесом мачт и изящными корпусами кораблей, дремлющих у пристаней, и скорее догадалась, чем узнала столицу. Светлейшая. Венеция... Почувствовав облегчение и радость, она бросилась вниз, к тесно сбитым домам, и снова повисла в воздухе, не имея ни малейшего понятия, где именно находится Ospedale della Pietà. Она вновь сосредоточилась на сияющей нити, ведущей к спящему телу, и с ужасом поняла, что больше не видит и не ощущает её. И даже приблизительно не знает, где искать среди этих улиц и улочек здание Приюта Богоугодного Милосердия. За всё время своего пребывания она ни разу не выходила за его пределы, кроме редких посещений праздничных бого-

служений вместе со своим музыкальным классом, где перелистывала ноты поющим девочкам на хорах, отгороженных ото всех резной деревянной решёткой, предназначенной скрывать юных певиц от нескромных взглядов прихожан.

Преодолевая растерянность, она начала лихорадочно вспоминать всё, что видела возле приюта и из его окон. Церковь... Приходскую церковь. Найдя взглядом вроде бы похожую крышу, она стремительно двинулась к ней и остановилась в недоумении. Место было незнакомым. Она снова сделала попытку найти нечто узнаваемое и снова очутилась на неизвестной ей маленькой площади, кампо, возле безлюдного колодца. Небо озарил розовый свет восхода, а город продолжал выглядеть призрачно пустым, беззвучным и застывшим. Не двигалась вода, облака не меняли свой облик, не ощущалось ни дуновения воздуха, разом показавшегося душным и густым.

«Ничего страшного. Не бояться! Я никуда не спешу. Буду осматривать церковь за церковью, площадь за площадью, пока не увижу знакомые стены! Южные окна Оспедале выходят на лагуну. Я их найду, пролечу внутрь и там увижу себя...»

Поднявшись выше, она вновь начала облетать улицы со стороны лагуны в надежде увидеть приземистое здание приюта. Но замерший город словно издевался над ней. Перед глазами мелькали золотые палаты и кружевные церкви, барельефы и скульптуры львов, статуи бронзовых коней, закрытые лавки торговцев и дома, дома... И только большая постройка Оспедале делла Пьета словно исчезла с улиц зачарованной Венеции.

Диана испугалась, почувствовав, как тают её силы, как тяжелее и тяжелее ей сосредоточиться на мелькающих образах, как труднее и медленнее она летит над освящёнными холодным светом крышами. Её пробрала дрожь. И пришло понимание, что, если это продолжится, если она не вернётся в ближайшее время, то навсегда останется здесь, носиться над пустыми улицами всё медленнее, забывая, кто она и откуда, до полного исчезновения.

Как и четыре года назад, её охватила паника, с той лишь разницей, что на сей раз она перестала метаться, зависла над самой большой и красивой площадью с огромным дворцом, словно кружевами украшенным галереями и арками, над прекрасной белокаменной церковью и мысленно закричала... Снова облетела круг. Начала молиться, но знакомые с раннего детства слова путались. «Помогите! Хоть кто-нибудь! Выведите меня отсюда!!!» Она опустилась прямо на каменные плиты площади, села, обхватив себя руками, и заплакала без слёз — в этом месте не существовало тел, а значит, и слёз.

— Ну, ты и здорова орать, — от голоса, звучавшего, казалось, отовсюду, она подпрыгнула и со страхом уставилась на высокий силуэт. — Удивительно, что на твои вопли не слетелись все малефики города!

Если бы не смех, она точно не узнала бы того самого мальчишку, вернувшего её домой четыре года назад. Он подрос, вытянулся ещё больше, и теперь язык не поворачивался назвать его мальчиком.

— Это ты!!! Опять! — вспыхнула радость, которую она тут же постаралась скрыть, приличия ради. — А я тут... — как объяснить, что произошло, Диана не знала.

— Вижу. Опять заблудилась? Давай уберёмся отсюда, ты вопила так, что слышно было во всём городе. А здесь Тёмных ходок живёт немеряно, — он снова взял её за руку и, отлетев в сторону от площади, спросил: — Откуда тебя занесло в Венецию-то? Кажется, прошлый раз мы расстались возле какой-то глухой деревушки? Давай, рассказывай.

В его тоне сквозило снисхождение и покровительственные нотки — то, что её всегда страшно бесило. Но сейчас она так обрадовалась, что решила пропустить это мимо ушей. Диана коротко объяснила, как попала в столицу Светлейшей республики, как в приюте сестра Бенедетта бросила в огонь её заветную ладанку, как она вспомнила о светящейся нити и вернулась сюда. И как уже в городе, казалось бы, так близко от приюта, не может его найти. Что силы заканчиваются, и она уже подумывала, что исчезнет, умрёт, пока не встретила его.

— Пстой! Значит, ты одна из тех девочек-хористок, что по праздникам поют на хорах в Сан-Джованни ин Брагора? Надо же!

— Да. То есть нет! Я не пою. Я вообще петь не умею и терпеть не могу! Я им ноты сперва переписываю. А потом их же и перелистываю. Когда выступают.

Парень снова засмеялся, но обидно не было.

— Значит, кроме своего Оспедале, ты ничего здесь не видела?! Ну, что ж... Давай руку. Прежде чем вернуть тебя... э-э-э... в тело, предлагаю показать город. Он того стоит!

И снова полёт, но теперь она ощущала тепло и силу его руки.

Оказалось, что огромная палата с кружевными окнами и арками галерей — это Дворец Дожей, знаменитое Палаццо Дукале. А собор, сияющий золотом мозаики и украшенный четвёркой коней — главная базилика Сан-Марко, посвящённая небесному покровителю столицы. Между колонной с крылатым львом и скульптурой святого Теодора казнят преступников, и проходить между ними — плохая примета. И что Оспедале делла Пьета находится в двух шагах от главной площади города.

Когда же они оказались над массивной крышей приюта, юноша сделал широкий жест:

— Вот вы и на месте, донна... А, кстати, как имя прекрасной донны? — в голосе звучала неприкрытая насмешка, но это «прекрасная» всё-таки вызвало у неё смущение.

— Диана. Меня зовут Диана.

— Вот вы и на месте, донна Диана!

Они опустили на крышу Оспедале, и она почувствовала там, внутри, своё спящее тело и, подавив искушение сразу же броситься к нему, подняла взгляд:

— А ты? Как тебя зовут?

— Никола. Здесь меня называют Николо ди Каттаро. Ладно, Дианетта миа. Пора прощаться. В следующий раз, когда придёт время расстаться с телом — забей в изголовье нож. Любой. Помогает, проверено. И вернуться легче, и охраняет — никакая inferнальная тварь к телу не подберётся.

Они стояли друг напротив друга, всё ещё не двигаясь с места, и Диана поймала себя на мысли, что ей нравится находиться с ним вот так, рядом... Но тело настойчиво звало, нарастало беспокойство, сопротивляться которому становилось всё труднее. Снова взглянула на парня, волна благодарности захлестнула её, и, неожиданно для себя, она бросилась к нему на шею и крепко обняла, чего никогда бы не позволила себе в обычной, «нормальной» жизни, и ощутила его руки на своих плечах.

— Спасибо тебе, Николо. Ты снова меня спас!

— Да ладно, ерунда... — его объятия разжались не сразу.

Диана оглядела себя и с удивлением увидела позабытый стебель небесного зверобоя, заправленный за пояс платья, всё такой же свежий и яркий.

— Пстой! Дай руку! — сказала она, и парень с усмешкой протянул ей правую ладонь, словно площадной гадалке.

Диана накрутила гибкий стебель вокруг его запястья, нашептала оберегающий заговор, выученный от бабушки, и завязала хитрым узлом. Кажется, его это удивило.

— Вот. Теперь у тебя есть мой оберег. И если будет нужна помощь, ты меня позови, и я услышу. И приду. В духе, конечно, — смутившись, произнесла она.

— Хорошо, Диана из приюта. Может, доведётся встретиться и по-настоящему, в теле, — он широко улыбнулся и растаял, а её понесло вниз, и последней мыслью было то, что она так и не рассмотрела его лица, а следующее, что она ощутила, была резкая боль в ноге.

Над ней склонилось испуганное лицо сестры Антонии, а приходящий в редких случаях к больным в приют мессер Людовико Сандарини прикладывал раскалённую докрасна иглу к её пятке. Диана охнула и села. Почувствовала слабость, головокружение и боль и снова откинулась на подушку.

— А я говорил, что старинные средства порой самые надёжные! — мессер Людовико довольно обвёл глазами собравшихся возле больничной кровати монахинь.

На лицах сестры Катерины и сестры Антонии читалось облегчение. Сестра Бенедетта, как всегда, не показывала никаких эмоций.

— Дианетта, дитя, тебе лучше?! Как же ты нас напугала, милая! Три дня лежать ни живой ни мёртвой! Слава Всевышнему! — наставница каллиграфии широко перекрестилась. — Мы уже и не знали, что сообщить твоему дяде. А уж как он расспрашивал о тебе! Ожидает! На следующей неделе ты переселяешься в его дом!

Кажется, на эти слова сестра Бенедетта облегчённо вздохнула.

Про этот свой вылет Диана не рассказала никому. Ну, кроме Орсетты, разумеется. Ей выложила всё, даже то, как сама бросилась на шею спасителя. И то, что он тоже из Венеции и зовут его Николо. И что ей очень бы хотелось хоть раз, хоть мельком увидеть его ещё раз. По-настоящему.

А уже в конце следующей седмицы Диана обнималась с подругами, плакала, прощаясь с Орсолой и сестрой Катериной, собирала немногочисленные вещи — немного одежды и вышитые ею же на уроках рукоделия пару рубашек и скатерть. Вскоре она уже шагала по плиткам венецианской мостовой в сопровождении сухопарого, слегка сутулого человека, бросая косые взгляды на его добродушное лицо, выискивая и находя в его облике мамины черты — разрез глаз, зелёных, такого же оттенка, который унаследовала и она, рисунок губ, немногословность и даже манеру улыбаться. Оспедале делла Пьета скрылся за поворотом.

Год 1570, апрель.

Генуэзская торговая галера Сан Витторе вошла в лагуну и неспешно причалила к Рива дельи Скьявони. Немногочисленные пассажиры столпились возле трапа, ожидая своей очереди сойти на торговую пристань, где их уже поджидал чиновник санитарной службы и портовый писец с переносной конторкой.

После краткого формального осмотра — нет ли на открытых частях тела путешественника подозрительных язв и не выглядит ли тот больным, — писец записывал в книгу имя, происхождение и цель приезда каждого новоприбывшего. После чего тот мог забрать свои уже осмотренные вещи из лодки таможенников и отправляться в город по своим надобностям.

Невысокий неприметный мужчина терпеливо дождался своей очереди и, пройдя обычную процедуру, окинул взглядом широкую набережную, полную нарядных людей, проводящих воскресное утро в приятной праздности. На мгновение его лицо исказила ненависть, но лишь на мгновение. Он прибыл сюда, чтобы выполнить заказ очень влиятельных людей, согласных платить полную и весьма немалую цену за его услуги. А заодно — посчитаться с этим городом. После чего он отправится на заслуженный покой, наслаждаться мирной и роскошной жизнью. Сможет себе позволить.

Предстояло найти подходящего исполнителя технической, ремесленной части его задания. В огромном городе с массой мастерских ювелиров, литейщиков и гравёров хоть один такой человек да найдется, в этом он не сомневался.

Он еще раз обвел взглядом каменную набережную со шныряющими меж толпой разносчиками уличной еды. Взглянул на торговцев мелкой галантереей, на гондолы, ожидающие путников, и на корабли, покачивающиеся на якорях. Зло посмотрел на широкую площадь с двумя высокими колоннами, увенчанными скульптурами человека и крылатого льва, и еще на огромное, но кажущееся воздушным строение, окруженное по периметру двумя рядами арочных галерей и широкими островерхими окнами. Усмехнулся и пешком направился вглубь города. Багажа с ним не было.

Если бы кому-нибудь пришло в голову проверить запись о нем в книге прибывших, то он не обнаружил бы ни строчки. А капитан и команда Сан Витторе лишь недоуменно пожали бы плечами. Никто бы даже не вспомнил невзрачного пассажира.

Мастерская члена Гильдии Орефичи — золотых дел мастеров, ювелира Джулиано Альфани, район Марчерии. Год 1570.

Медная заготовка, покрытая парой первых слоев эмали, была еще теплой. Сразу три головы — мастера и двух подмастерьев — склонились над ней, чуть было не столкнувшись лбами.

— Я же говорил, что получится! Итого — двумя обжигами меньше! И полировать не надо! Пари за мной! — юноша лет двадцати с убранными в хвост, чтобы не лезли в глаза, темными волосами и возбужденно блестящими светло-кариими глазами сиял, словно начищенный серебряный сольдо.

— Посмотрим, посмотрим... Что принесет следующий обжиг. А если цвета поплывут? Как наш синьор Николо тогда будет выворачиваться? — голос Джулиано Альфани, известного ювелира и хозяина мастерской, сочился сарказмом.

Парень взглянул на мастера с высоты своего немалого роста и широко улыбнулся:

— Не поплывут. Рисунок лег идеально, не придраться. И следующий слой не хуже ляжет. Хотите еще одно пари? Это вы проиграли, маэстро. Так что...

— Не скалься. Свои улыбочки оставь девкам с Сисечного моста, глядишь, скидку получишь, — маэстро Альфани ворчал больше для проформы, он и сам был доволен результатом. Предложенная мальчишкой техника показалась ему рискованной, но попробовать стоило. И вот — рисунок смотрится солидно, еще всего один обжиг, и эмалевая пластина готова. А это экономия времени, денег и угля, пожираемого муфельной печью в немалых количествах. Да и во время летней жары в мастерской и без горячей печи будет не продохнуть.

— Если мессере выплатит мне проигранные три сольдо, то и скалиться — и, кстати, я девушкам не скалюсь, а мило улыбаюсь — ради скидки нужды не будет. Начну расточать свое обаяние просто так, чисто ради хорошего настроения и времяпрепровождения. Так что? Ведь мы договорились? Если все получится по-моему — отпускаете в Палермо на полгода? Ну, глупо ведь не воспользоваться такой возможностью! Сальваторе Марроне — непревзойденный мастер филигрании! Да еще и эмальер! Представьте ваши изделия в таких вот оправках! Искуснейшая венецианская эмаль с лучшей филигранью! А я буду лучшим! Во всяком случае, уж не хуже маэстро Марроне.

Ювелир глубоко вздохнул. Принесли же черти этого сицилийского орефиче* (ювелира) прямо к нему в мастерскую, по договору с Гильдией. Что и говорить, мастером тот был отличным, и сам Джулиано подсмотрел у него пару полезных трюков, и проблем с сотрудничеством в изготовлении реликвария для частицы мощей самого Николая Мирликийского, дара семейства Контарини храму Сан-Сальвадор, не возникло. И выгоду от этого заказа получили все.

Но вот задурил же тот голову его лучшему подмастерью! У парня и так амбиции через край лезут, воображает себя невесть кем. Так и сицилиец подлил масла в огонь, начав расхваливать талант его ученика, теперь работающего в мастерской за плату. Вполне щедрую, между прочим, для его-то возраста и опыта. И это дурацкое предложение — за каких-то полгода выучить Николо тонкостям перегородчатой эмали и филигрании. И по сравнению с другими желающими освоить секреты этого искусства — всего за треть цены. А дурень уши развесил. И какая сила дернула его, опытного мастера, заключить с мальчишкой пари...

Он нахмурился.

— Еще один обжиг. Соглашусь, если изделие будет идеальным, черты лица святой Магдалины не поплывут и не потемнеют. Если же нет...

— Готовьте обещанные семь недостающих мне дукатов, мессере! Не пожалеете, вернутся вам вдвойне! — Николо, мурлыкая себе под нос, направился к верстаку заканчивать гравировку на золотом браслете, заказанном купцом, торговавшим шелком на Риальто, для «предмета страсти», как он напыщенно называл смазливую вдову портного.

Маэстро Джулиано Альфани лишь покачал головой и перекрестился на изображение святого Элигия, покровителя всех честных мастеров ювелирного искусства, написанное еще его дедом. Он ни дня не пожалел, что выпросил у посредственного ювелира из маленького провинциального Котора сына, разглядев талант у тогда еще одиннадцатилетнего Николо, чтобы обучить мальчика благородному ремеслу в столице Венецианской республики. Но талант талантом, а упрямства и самоуверенности в ученике оказалось с лихвой. До сих пор, когда разозлится, требует называть себя Николой Ковачевичем вместо нормального Николо ди Катаро* (*Никола из Котора*) — язык сломаешь об их скъявонские* (*славянские*) фамилии.

А чего стоят его, слава богу, редкие выпадения из реальности — когда спит, словно мертвый, целый день, буди не буди... Первый раз он успел перепугать всех, включая супругу маэстро. К счастью, случалось такое редко, сам мальчишка страшно стеснялся происходящего, так что в конце концов все привыкли. Вот и совсем недавно, во время великого поста, проспал, сукин сын, целый день. Пробудился — и снова впал в чудную летаргию. К счастью, в тот день обошлось без срочных заказов.

Была у его ученика и еще одна странность. Впрочем, странность эта обычно шла на руку мастерской и делу. Если тот брался за изделие с удовольствием и хорошим настроением — продавалось оно по самой высокой цене, не успев и дня полежать на витрине. А вот если он был на что-то зол... К счастью, Николо любил свою работу, и чем сложнее было задание, тем с большим воодушевлением он за него брался. Некоторые покупатели на полном серьезе утверждали, что его изделия приносят удачу.

А как быстро он учился, схватывая на лету тонкости искусства! А портреты! Набрасывает за десяток минут — и схожесть невероятная! Лишаться такого подмастерья на целых полгода не хотелось. К тому же, признавался себе Джулиано, его злило, что сопляк, пусть всего на полгода, но променяет его благородное искусство эмалевой живописи, выученное мастером в Лиможе, на варварское уменье, перенятое у восточных мастеров. «Ну что ж... пусть будет филигрань и перегородчатая эмаль... Но по возвращении мальчишке придется изрядно попотеть, чтобы возместить его вложения и долгое отсутствие в мастерской».

Семью месяцами позднее. Венецианская торговая галера, близ мыса Санта-Мария-ди-Леука, побережье Апулии.

— Еще пару дней, и если ветер и Бог будут к нам милостивы, причалим в Бари, а там уже безопасно. И без остановок — до Венеции.

Капитан Зорзи Бембо осматривал береговую линию, и весь его вид демонстрировал, как горячо он желает избавиться от навязчивого собеседника — насмерть перепуганного рассказами о пиратах, промышляющих в этих водах, торговца тканью Бартоломео Сантори. Купца, вложившего свой капитал в партию шелка и успешно продавшего его в Палермо и горячо желающего поскорее довести выручку до дома.

Ранним апрельским утром, возвращаясь с полугодового обучения, Никола Ковачевич, подмастерье известного столичного ювелира, наблюдал за их беседой, в очередной раз восхитившись капитаном — это ж надо иметь такое терпение! Облокотившись на борт, он шурился,

глядя на восходящее солнце, и лениво размышлял, не стоило ли всё-таки принять предложение маэстро Сальваторе, да и остаться в Палермо. И звание мастера, как и членство в местной гильдии, были бы обеспечены. И племянница его... ничего так, симпатичная. Но долг перед маэстро Джулиано... Да и если копнуть поглубже, не лежит у него сердце ни к Палермо, ни к племяннице мастера. Так что решение вернуться он принял правильно, и нечего жалеть.

Он тяжело вздохнул, ибо получить вожеленный статус золотых дел мастера ему, выходцу из Стато да Мар, заморских владений, в Светлейшей столице было затруднительно. Как-никак, не в кожевники метит. Но зато это было вызовом, заслуживающим трудов и усилий. Успешный ювелир в Венеции — это не то же самое, что и «успешный золотых дел мастер» в Палермо, а уж тем более в родном Которе. Он похлопал по почти пустой поясной сумке, главной ценностью внутри которой было рекомендательное письмо мессера Сальваторе Марроне о блестяще освоенном ремесле. В Венеции, правда, эти рекомендации не стоили и ломаного гроссо* (*серебряная монета, равная 2,5 сольди*), но всё же могли открыть кое-какие двери.

Капитан, избавившись наконец от назойливого купца, подошел к нему.

— Эй, которанин, скажи, тебе доводилось стрелять из аркебузы?

Этот вопрос застал Николу врасплох.

— Нет, синьор. Я ювелир, а не наемник.

— Жаль. Научись. Как ты, к дьяволу, работаешь с золотом, если не владеешь оружием?! А могло бы быть кстати... не дай Бог, конечно. Ну, драться-то хоть дрался? — с сожалением оглядывая высокую фигуру Николы, спросил он.

— Драться приходилось, — вспомнились частые потасовки с подмастерьями литейщиков и живописцев, он криво усмехнулся, а потом нахмурился. — А к чему эти вопросы, капитан?

— Ни к чему особенному. Так, на всякий случай. Не нравится мне истерика этого торгаша. Накличет еще беду, — он мелко перекрестился и отправился к клюющим носом наемникам, охраняющим груз, затем спустился к гребцам.

Капитан вызывал у Николы симпатию, почти восхищение. Этот мужчина лет сорока внешне почти не отличался от рядовых моряков, но пользовался беспрекословным авторитетом. Всегда сдержанный, немногословный и неизменно любезный. И, в отличие от всякой тщеславной шушары вроде того мелкого купчишки, никогда не демонстрировал своего превосходства, ровно разговаривая как с ним, подмастерьем, так и с известным венецианским нотариусом по имени Томмазо Брагадин, занявшим лучшую каюту на галере.

Никола примостился на палубе, в тени между двумя закрепленными бочонками с вином, и закрыл глаза, подложив под голову дублет* (*верхняя одежда, куртка*) и укрывшись плащом.

Апрель выдался солнечным и ветреным, и почти всё плавание он дремал, стараясь выспаться с запасом, прекрасно зная, что ожидает по возвращении — маэстро Джулиано будет подгонять его с работой, словно грузового осла.

Разбудили его звуки молитвы. Корабельный капеллан громко и распевно прочитал «Ин номине Патрис», а затем перешел на «Патер ностер». Никола подумал, что проспал аж до вечерни, однако солнце еще висело на востоке, гребцы орудовали веслами особо слаженно, матросы и охранники толпились вдоль правого борта, напряженно вглядываясь вдаль. Он вскочил на ноги и подошел к ним.

На горизонте двумя треугольниками белели паруса небольших судов, ходко приближающихся к их галере. Выглядели кораблики безобидно и даже романтично, но напряженные лица команды рассеивали это впечатление.

— Святой Марко, берберские фусты! Идут под флагами осман... Не уйдем! — сказав это, стоящий рядом моряк злобно выругался, помянув и Пречистую Деву, и Иосифа, и всех святых.

Зорзи Бембо бросил злой взгляд в сторону превратившегося в уши купца, пробормотал что-то вроде «Накаркал, кретин...» и гаркнул:

— Спустить парус и развернуться кормой к берегу! Открыть амбразуры носовых пушек и все к оружию!

Галера, нагруженная товаром пшеницы, поворачивалась тяжело и неуклюже, стремясь подставить приближающимся суденышкам лоб, вооруженный четырьмя бронзовыми орудиями. Канониры разжигали факелы. В руку Николы кто-то вложил рукоятку, видимо трофейного ятагана. Даже немолодой, всегда выглядящий несколько напыщенно пожилой нотариус, прихрамывая, выбрался из своей каюты, опираясь на эфес массивной шпаги.

— Это пираты?! Синьоры, я требую что-то предпринять! Все мои сбережения здесь со мной! И если что... Я пропал, я разорюсь!!! Я заплатил сполна за этот путь! За безопасность! — голос Бартоломео Сантори резанул сосредоточенную тишину.

Капитан сплюнул, бросил презрительный взгляд на купца, но сдержался и ответил:

— Две фусты... Отобьемся!

Косые паруса приблизились настолько, что до ушей стал доноситься бой барабана и выкрики на арабском.

— Приготовиться к бою! — голос Зорзи перекрыл все звуки.

— Капитан, сзади! — в раздавшемся вопле послышалась паника, и все разом повернули головы.

Из-за выступа скалы к галере бесшумно приближалось третье судно. На сей раз выругался уже капитан. Сантори обвел мутным взглядом замершую перед схваткой команду и загомосил.

— Выкуп! Надо предложить и заплатить им выкуп! Иначе всем конец! Я слышал, что они делают с людьми, — он схватил за рукав Зорзи Бембо, стараясь заглянуть капитану в лицо.

Тот вновь ругнулся и оттолкнул купца.

— Пали!

Грохнули бронзовые пушки, одна фуста покачнулась, парус дрогнул и скривился — ядро угодило точно в гущу толпящейся на борту команды.

Никола словно во сне, словно в ночной битве на небесном поле, наблюдал, как берберские корабли расходятся, обступая галеру с обоих бортов, как в дерево вцепляются крюки, как к их корме подходит третья фуста и как бородатые, до черноты загорелые мужчины, одетые в широкие шальвары и безрукавки, запрыгивают на борт. Он дрался вместе со всеми, сбивая в кровь кулаки, сразу потеряв в кутерьме почти бесполезный ятаган, орудовать которым не умел. Он бил и пинал, чудом уворачиваясь от ударов сабель, пока здоровенный бородатый мужик не оскалился и со всей дури не двинул его по голове тупым концом копья. Мир покачнулся, а когда способность соображать вернулась — всё уже было кончено. Он сидел на палубе среди разоруженных матросов, в окружении смуглых людей с кривыми саблями в руках. С кормы доносился визг престарелой паломницы, плывшей в Бари на поклон к мощам святого Николая, а двое пиратов деловито отделяли из пленников богато одетых пассажиров, чтобы получить за них выкуп. Оставшихся мужчин, включая и его, переправили на одно из судов, подгоняя пинками и тычками, подавляя малейшие попытки к сопротивлению. Команды действовали слаженно, и большая часть груза уже перекочевала на пиратские корабли.

Наконец, вычистив из трюмов и кают всё, представляющее мало-мальскую ценность, фусты отчалили от галеры, беспомощно покачивающейся на волнах и дымящей сперва белым едким дымом, а потом занявшейся яркими языками пламени.

Команда потрясенно, словно за смертью близкого, наблюдала за агонией корабля.

В сопровождении двух слуг — огромного бородача, в котором Никола узнал ударившего и оглушившего его человека, и переводчика, явно европейца, — к ним приблизился невысокий тип, одеждой и осанкой резко отличающийся от массы пиратов. Шелковая, искусно вышитая по вороту туника, синие шелковые же шальвары, опоясанные кожаным поясом с заткнутым за

него стволом пистоля с одной и крепящимся ятаганом в ножнах с другой стороны, добротные сапоги, на голове небрежно повязанная куфия. И рыжая окладистая борода.

Он щелкнул пальцами, и сопровождавший его невзрачный европеец вышел и встал перед шеренгой пленников. Рыжебородый заговорил, и переводчик повторил его слова на прекрасном итальянском с небольшим греческим акцентом:

— Я капитан Ильяс Фратези. Ваша команда нанесла ущерб одному моему судну и убила моего офицера. А за такое придется заплатить вам всем. Или... Я понимаю, что все вы здесь люди подневольные. Меня интересует капитан, отдавший команду стрелять. Где он?

Пленники стояли молча, не поднимая взглядов, старательно разглядывая доски палубы.

Никола подавил желание оглянуться на Зорзи Бембо, сжимающего раненую руку у него за спиной.

— Ты! — пиратский предводитель упер палец в худого матроса. — Имя, должность. И где твой капитан?

— Матрос я. Джованни Зано. Погиб капитан. Ваши его во время абордажа того... порешили.

— Ты?

— Гребец... не знаю. Нет его тут, а я греб и, видать, ничего не видел.

— Ты? — палец уперся в старого седоусого моряка.

Тот поднял взгляд слезящихся прозрачных глаз, откашлялся и смачно харкнул, попав желтой слюной на тунику пирата. Тот вытащил вышитый платок из рукава и вытер плевок, не изменившись в лице. Огромный бородач выдернул старика из рядов пленников, подтащил к краю борта, вытащил из-за пояса нож и полоснул им матроса по горлу, направив брызнувшую кровь в морские волны. И сделал это так буднично и сосредоточенно-повседневно, что у Николы волосы на голове зашевелились, а к горлу подкатил липкий ком.

Подождав, когда булькающие звуки и судороги умирающего тела стихнут, палач так же невозмутимо перевалил его за борт, вытер о доски измазанные кровью пальцы и снова приблизился к своему господину. Тот обводил взглядом ряды пленных матросов, и Никола вдруг понял, что перед ним не араб и не турок, а, судя по чертам лица, перешедший в османскую веру христианин — не то из Фракии, не то из Албании. Его взгляд на секунду пересекся со взглядом ренегата.

— Ты! — к нему тут же подошел бородач, оказавшийся на полголовы выше и почти вдвое шире в плечах, запустил ладонь в его волосы и поднял голову, заставляя глядеть в глаза капитана пиратов.

— Я путник... Подмастерье... Капитан погиб... — от стука сердца он не слышал своего голоса, показавшегося сдавленным и прерывистым.

Палач усмехнулся и похлопал его по щеке, затем сам, без команды, схватил за шиворот купца, стоящего подле Николы, и вытер нож о его рубашку.

— Не я! Н-не капитан я! Я купец!!! Я выкуп заплачу! — почти завизжал тот. Бородач нагнулся, дохнув ему почти в самое лицо, Бартоломео Сантори дернулся. — Да не я же! Тут он, он капитан!

— Заткнись, гад! — кто-то из задних рядов двинулся к торговцу, но был остановлен товарищами. Палач оторвался от купца и задумчиво уставился в сторону говорившего, а Сантори продолжил.

— Вот же он, капитан-то! За нами стоит, Зорзи Бембо зовут. Вот он!!! Вот!!!

Николу передернуло от злости и отвращения. Подчиняясь импульсу, не раздумывая о последствиях, он отклонился в сторону и что есть силы ударил Бартоломео Сантори по губам, только бы заткнуть, заставить молчать, не слышать. Что-то хрустнуло, визжащая речь купца сменилась подвываниями.

Его вместе с Зорзи Бембо вытащили из толпы подбежавшие берберские матросы. Ильяс Фратези сказал пару слов на арабском, капитана разложили на палубе, и бородатый палач деловито и сноровисто пресек сухожилия на его ногах и здоровой руке. Зорзи Бембо изогнулся от боли, но не издал ни звука. Предводитель берберов махнул платком, и двое пиратов бросили венецианца в волны за борт фусты. Николу подтащили к ограде, и он, задохнувшись от ужаса, приготовился к смерти. Но, заставив досмотреть до конца на судорожные попытки капитана выгрести к, казалось бы, такому близкому берегу, его снова отвели на середину палубы и сдержали рубашку. Опять заговорил капитан берберов, и его слова подхватил переводчик:

— Поскольку я человек деловой, то не желаю терять товар. Но оставить твой поступок без наказания не могу. Поэтому даю шанс и тебе, и себе. Если ты выдержишь до завтрашнего дня и сможешь подняться на ноги, я подарю тебе жизнь. Если нет... Посмотрим. Всем остальным советую хорошо подумать, как вести себя на моем корабле.

Когда его привязывали к мачте, он понял, что его ожидает, и обещал себе, что не будет кричать и молить о пощаде. Постарается.

Первые несколько ударов бича он и молчал. Не из-за попытки сохранить достоинство или силы воли. От шока не мог издать ни звука. Потом кричал, ощущая, как лопается кожа на спине, снова и снова, пока не сорвал голос и не провалился в красное море боли. А придя в сознание, ощутил себя повисшим на связанных, обнимающих мачту ладонях. И мух, жирных, неизвестно откуда появившихся в апреле, выющих вокруг, жужжащих, доводящих до безумия... Обожгла мысль, что еще немного, и его перетянутые веревками руки уже никогда не смогут писать миниатюры и крутить проволоку в филигранные узоры...

Сознание то гасло, то возвращалось вновь, а день растянулся в бесконечность. Ему постоянно то ли снилась, то ли мерещилась вода. Много холодной, чистой воды. Несмотря на свежий ветер, было жарко и сухо — губы, горло, язык казались забитыми мелкой пылью. Ночь принесла прохладу, затем ледяной холод, и его дух начал выскальзывать, отделяться, уноситься всё выше, облетая незнакомый берег, вдоль которого шли три быстроходные фусты, и тогда ему было не больно и не страшно.

Что-то привлекло внимание. На запястье правой руки светилась яркими цветами накрученная веточка зверобоя. Он удивился, что цветок до сих пор на месте. Вспомнил девочку, девушку. Диану. И подумал, как хотел бы хоть раз увидеть ее в обычной жизни, на улицах Венеции, прикоснуться. И что этого, вероятно, уже никогда не произойдет. Сознание резкими толчками то возвращалось во мрак боли, то вылавливало тонкий светящийся силуэт той девушки, о которой он думал не раз и силился представить или нарисовать ее лицо. Дух снова отделился от бессильно повисшего, трясущегося крупной дрожью тела, и он подумал, что возвращаться, чтобы вновь чувствовать боль, отчаяние, холод и снова боль, нет смысла. И что он может улететь куда хочет, стоит лишь порвать нить.

Он поднялся выше и рванул светящуюся струну. Но тут что-то подхватило его дух, потащило назад, к мачте, а в голове раздалось отчаянное: «Не смей!!!»

Николе показалось, что произошедшее — лишь новая порция бреда, вызванная агонией тела и светлыми воспоминаниями. Он старательно сфокусировал внимание и увидел рядом фантомный силуэт.

Не бред. Она. Снова обнимала его, толкая назад, в мучения, крича и плача, силясь объяснить, что так надо, что он должен бороться за свою жизнь. Он нехотя подчинился, не мог не подчиниться, и очнулся. Он по-прежнему висел, уткнувшись лицом в дерево мачты. Но что-то изменилось. Его обнимали тонкие призрачные руки, и через них в тело вливалась жизнь, а слабость медленно отступала. Стало тепло, и сознание начало уплывать уже не от боли, а от усталости и странного облегчения. Небо на востоке посерело и начало розоветь.

— Возвращайся, пора. Ты очень далеко... — прохрипел он, и светящийся силуэт прижался к нему.

— Только никогда больше не пытайся порвать нить, обещай! — пронеслось в голове.

— Обещаю. И обещаю найти тебя, Диана из приюта. Если вернусь, то найду! — он вновь почувствовал прикосновение тепла и света, потом — вспышка, и она исчезла.

Несколькими часами позже бородатый палач перерезал веревки, и Никола рухнул на доски палубы, хватая ртом воздух. Он взглянул в холодно-насмешливые глаза берберского капитана, и злость с упрямством наполнили его решимостью выжить. Трясаясь словно больной падучей, он поднялся на четвереньки, потом, совершив невероятное усилие, шатаясь, выпрямился, с ненавистью глядя в лицо Илиаса Фратези. Тот усмехнулся и трижды ударил ладонью о ладонь, изображая аплодисменты. Ноги подкосились, и Никола снова упал. Капитан с удивлением поглядел на его поджившую за ночь спину, покачал головой и велел напоить и отнести в тень.

Через месяц на невольничьем рынке в Константинополе Никола был продан в гребцы на османский галеас Сулеймание.

Глава третья

16 сентября 1571 года. Мессина. Сицилия.

Никогда еще христианский свет не видал такой грандиозной, великой армии, собранной Священной лигой, как бы высокопарно это ни звучало.

Альвизе Моро — сержант морской пехоты венецианского флота, сидя на носу галеры Санта-Бенедикта, сосредоточенно чистил пистоль, краем глаза наблюдая, как неспешно и слаженно из порта Мессины vyplывают корабли — сотни боевых галер. Над ними гордо возвышались трехмачтовые галеасы, на одном из которых — его главнокомандующий, человек, вызывающий восхищение у любого моряка или наемника — мессере Себастьяно Веньер, бодро и решительно командующий флотилией Светлейшей республики, несмотря на свой солидный возраст. Семьдесят пять лет — не шутка.

Удивительно, как общая опасность может сблизить недавних врагов. Папе Пию Пятому удалось отправить на бой с османами и испанцев, возглавляемых главнокомандующим всем христианским флотом Хуаном Австрийским, и папские галеры под командованием Маркантонио Колонна, и даже генуэзцев с Джанандреа Дорией во главе. Не говоря уже о флоте Светлейшей республики.

Кто бы, будучи в своем уме, мог предположить, что венецианский и генуэзский флоты будут сражаться бок о бок, забыв о вековых распрах и соперничестве?

Порыв ветра бросил в лицо морские брызги. Альвизе откинул со лба прядь светлых волос и усмехнулся, вспомнив, как сам брал на бордаж не одно генуэзское судно. Впрочем, османов он ненавидел куда больше. К ним у него был собственный счет.

Ему никогда не доводилось видеть Наполи ди Романию — город, где он был рожден. И где родился и погиб отец, офицер венецианского гарнизона. Это случилось за день до его, Альвизе, появления на свет, в последний день турецкой осады. Тогда никто, включая его изголодавшуюся, убитую горем мать, не надеялся выжить. Как и потом, на галере, увозящей милоство отпущенных оставшихся жителей из захваченного города. Поэтому корабельный капеллан не стал ждать захода в ближайший порт и поспешно окрестил его фамильным именем Алоисо, или, по-венециански, Альвизе, чтобы дитя не умерло, не приняв святого таинства. Но он выжил. Из четверых детей Лодовико Моро выжили только они с сестрой Лукрецией. И после, подрастая в заплесневелой коморке, снимаемой в Санта-Кроче на последние сольдо, слушая рассказы матери об отце, о просторном светлом доме, всеобщем уважении и солнечном острове, он поклялся себе, что вернет потерянный семьей статус, заставит уважать свой род и добьется богатства и успеха любой ценой.

Задача оказалась гораздо сложнее, чем представлялось, и за звание сержанта пришлось проливать не только пот, но и кровь... а до богатства все так же далеко. Ему уже тридцать, и пора остепениться. Эта компания может дать шанс, о котором он не раз горячо молил Бога. И тогда его фамилия Моро — «темный», прозвище, которое в насмешку над голубыми глазами и светлой шевелюрой, характерной для большинства мужчин его рода, получил когда-то дед, да так и прилипшее к потомкам, снова будет произноситься с уважением и почтением. И этот шанс он не упустит.

С того самого момента, когда она переступила порог дядиного дома, а если быть точнее, порог той половины, которую он арендовал в густо застроенном районе Каннареджо, жизнь

Дианы изменилась кардинально. И изменилась, несомненно, к лучшему. И хотя общества Орсетты страшно не хватало, зато теперь у нее появился брат, о существовании которого она и не подозревала! Лоренцо ди Артенья — добродушный, ленивый, слегка полноватый парень, немногим старше ее, единственный и страстно опекаемый сын дядюшки. Если бы не природно мирный и легкий нрав, Диана сочла бы его избалованным папенькиным сыночком. Но Лоренцо был неизменно доброжелателен и мил.

А вот жены у дядюшки не было — мадонна ди Артенья умерла лет десять назад от лихорадки. С тех пор дядя Джероламо жил с сыном один, изредка, после удачных заказов, уходя в загулы и неизменно возвращаясь к холстам и краскам.

И здесь ее дожидались письма из дома!!! Папа, единственный, кто владел грамотой в семье, писал, как долго им пришлось ее искать и как все скучают. Что за эти годы у нее появился еще один младший брат, что бабушка здорова и непрестанно молится за нее, а сыра и меда в этом году, слава Богу, в избытке. В подтверждение дядюшка торжественно продемонстрировал Диане присланный из дома довольно вместительный горшок меда, прибереженный к ее приходу. Лоренцо успел опустошить его всего-то наполовину....

Раз в пару дней к ним в дом заявлялась громкоголосая кухарка. Она неодобрительно косилась на беспорядок, готовила незамысловатую пищу и прозрачно намекала, что такому симпатичному синьору не пристало жить без женской ласки. С приходом Дианы в дом она было напряглась, но, разобравшись, что к чему, продолжила осаду дядюшкиного сердца и кошелька. Да и бардака в доме не стало, потому что первое, чем девушка занялась, была уборка. Потом починка и штопка небогатого арсенала одежды домочадцев. Когда же Диана перечинила все, что нашла, то напросилась в мастерскую. Это была самая большая и относительно светлая комната в доме, расположенная на первом этаже вместе с крохотной лавкой, где кроме дяди и брата она застала еще и единственного мрачного и неразговорчивого подмастерья.

Вот где пригодились уроки сестры Катерины! Дядюшка Джероламо сперва даже слушать не желал ее просьбы дать ей хоть самое простое дело: пигменты там растереть, грунт нанести или обвести по контуру фрагмент орнамента. Зато теперь именно Диана, а не Лоренцо — правая рука мастера! Правда, сам дядя такого ни за что не признает.

Как же ей хотелось научиться рисовать людей, и рисовать хорошо! Но этому мешала непреодолимая загвоздка — наука, вызывающая у Дианы трепет, восхищение и почтение, смешанное со страхом — анатомия.... Ей и самой было понятно, насколько несовершенны человеческие фигуры, которые она начала робко выводить на некоторых своих рисунках.

Она улыбнулась, вспомнив, как на первых порах восхищалась работами мамино брата. В какой восторг привели ее толстые ангелочки, похожие на ощипанных совят, грузно порхающие на крышке свежерасписанного сундука. Только значительно позже, гуляя по улицам Венеции и посещая ее церкви, Диана поняла, что такое настоящая живопись. Особенно в тот день, когда сопровождала дядю, лично относившего нарисованный на полотне герб семьи важного далматинца в Скуолу ди Сан-Джорджо. Там, внутри, она встала словно пораженная громом, увидев святого Георгия с развевающимися золотыми волосами, поражающего копьём оскаленного змея... (*картина Витторе Карпаччо*)

Его лик, фигура — все напоминало образ Капитана бенанданти из ночных битв. И пусть на картине он был в темных доспехах и на темном скакуне, но общее впечатление поражало схожестью. Она бы так и простояла неизвестно сколько перед этой прекрасной картиной, если бы дядюшка, довольный завершённой сделкой, не оторвал ее от созерцания. В тот момент Диана поняла, что Джероламо ди Артенья — художник, очень далекий от совершенства....

Только открытие это совсем не разочаровало. Напротив, Диана решила во что бы то ни стало сделать все, чтобы работы любимого дядюшки наконец были оценены.

Если ее первые попытки помочь были неуверенными и робкими, то сейчас она сама придумывала эскизы цветочных гирлянд на заказанную роспись створок окон, вывеску для сапож-

ника с соседней улицы или фантастических сирен на крышку морского сундука и неизменно получала одобрение дяди.

Лоренцо был слишком ленив, чтобы напрягаться, выдумывая, как лучше разместить на вытянутых створках переплетения цветов, подмастерье и вовсе старался быть на подхвате, ворча, что «за большее он не плачен».

И, в целом, ее старания приносили свои плоды. Нет, на дядю не посыпались щедрые заказы. Но количество их увеличилось. Поэтому уход подмастерья к маляру на соседнюю улицу, посулившему чуть большую плату, дядюшка воспринял болезненно.

Именно тогда их скромная мастерская и получила первый крупный заказ – расписать имитацией под мраморный рельеф, изображающий крылатых львов, пилястры нового дома одного удачливого купца, поднявшегося с розничной до морской торговли. Дядюшка Джероламо сперва чуть ли не бросился в пляс, но уже часом позже схватился за голову, опасаясь не успеть к сроку. И как в воду глядел – сколько бы ни старалась Диана помочь подготовить листы с чертежами эскизов, развести в правильных пропорциях пигменты для клеевой краски, работа отца и сына двигалась слишком медленно. Дядюшка потерял аппетит, а Лоренцо даже спал с лица. И тогда Диане пришла в голову мысль...

Во время унылой вечера, когда Джероламо ди Артенья уже подсчитывал убытки и неустойки, она кашлянула, чтобы привлечь внимание:

— Дядя, а почему бы вам не взять меня с собой? Втроем мы сможем закончить работу вовремя.

Ди Артенья-старший поперхнулся куском хлеба, поднял взгляд и тяжело вздохнул:

— Дианетта, милая, как же я тебя туда приведу?! Работа проходит у всех на глазах! Чтобы опозориться еще больше, чем предстоит?! Чтобы весь город показывал на меня пальцем, высмеивая, что за меня рисует девушка?! Что я не в состоянии найти ученика?! А благочестие нашего дома?! Да и твоя репутация... Нет. Уж лучше заплатить неустойки.

— А если никто не узнает, что я девушка?

Лицо Джероламо приняло растерянное, ничего не понимающее выражение:

— То есть как не узнает?

— Старая одежда Лоренцо. Та, что ему теперь мала. Ну... и если я оденусь мальчиком, а волосы уберу под берет...

— Не-е-ет! Что ты! Уж если кто пронюхает еще и про такое – позора не оберешься! Что ты! – сама подобная идея дядю не только поразила, но и ужаснула.

— А это мысль! – в голосе брата прозвучала нескрываемая радость. – Вот правда, сестрица, ты ангел! Это решит проблему! А, отец? Давай рискнем! Ну кто нас знает в Сан-Поло? Диану – так ее и здесь редко видят на улице. А она длинная и тощая! Стройная, – поправился он, наткнувшись на взгляд сестры. – Ну кто может догадаться, кто?!

— Так и я помогу только там, где необходимо, и только в этот раз! И больше ни-ни! – Диане самой страшно хотелось попробовать себя в более сложной росписи, которую увидит не один-два человека, а любой, проходящий мимо нарисованных львов. И тогда она скажет себе: «Вот тут есть и моя заслуга! Здесь рисовала я!»

Под двойным напором дядюшка сдался, и уже на следующий день она ассистировала ему и брату, а через день и самостоятельно выводила имитацию теней на оскаленных львиных мордах. В итоге к сроку они успели, а в отношении нее никто ничего не заподозрил. И львы получились в целом весьма неплохо! Особенно если отойти подальше и хорошенько прищурить глаза. Хотя что уж там говорить – не Тициан... Но и заказчик большего не требовал. А дядя Джероламо подтвердил репутацию мастера, работающего аккуратно и быстро.

За всей этой массой крутых перемен и новых событий Диана почти забыла свою другую, тайную жизнь бенанданти, лишь изредка вспоминая про ночные битвы и ловя обрывки снов, в которых Светлая Дама снова учила ее, вот только чему – запомнить не удавалось: при пробуждении сон таял, оставляя в памяти лишь яркие несвязанные образы. До тех пор, пока эта сторона жизни сама не дала знать о себе.

В тот памятный апрельский день, солнечный и ветреный, Диана рано встала, умылась и пошла на ближайший крохотный рынок возле церкви Мадонны дель Орто, чтобы купить свежесвыловленную рыбу и немного овощей.

Приличные девушки не ходят в одиночку, но сегодня компании у нее не было: Лоренцо не пожелал выходить из дома, а с соседками она так и не подружилась. Но никто и не обращал внимания на бедно одетую горожанку. Работы в тот день было мало, и она позволила себе прогуляться берегом Гранд-канала, полюбоваться нарядными лакированными гондолами и снующими груженными лодками торговцев. Затем вернулась в дом и после незатейливого завтрака удалилась в свою комнатку, сославшись на недомогание. Какое-то тянущее, неприятное чувство тревожило ее с самого утра, не давая сосредоточиться ни на какой работе.

К концу дня это чувство усилилось, вызывая внутренние приступы паники. Диана мысленно перебрала всех родных и близких, размышляя, всё ли с ними в порядке, а когда добралась до спасшего ее из потустороннего города парня, Николо, ощутила яркую вспышку страха, отдающую болью в теле. Она беспомощно села на своем узком топчане и попыталась дотянуться до него, но ощутила лишь пустоту. Она чувствовала, знала, что он жив, но понять, где находится и что случилось, не могла, осознавая лишь, что жизнь его находится в серьезной опасности. Вот если бы он позвал...

Не дождавшись ужина, Диана легла спать, точнее, вертеться в кровати, вставать и мерить шагами каморку. Когда беспокойство достигло пика, перед глазами вспыхнули яркие искры цветов зверобоя. Дух отделился так стремительно, что тело неуклюже рухнуло на топчан и осталось сидеть, прислонившись затылком к холодной стене. Ее стремительно несло куда-то на восток, над морем с россыпью островков, над кривой линией побережья, гораздо дальше, чем когда-либо прежде.

А когда наконец она резко остановилась, то увидела мерцающий фантом и не сразу поняла, что тот собирается сделать. Дух Николо висел на тонкой, слишком тонкой нити над проплывающим внизу судном и сам пытался оборвать эту самую нить. Вот он напрягся, силуэт фигуры вспыхнул и рванулся в сторону.

— Не смей!!! Нет!! – Диана бросилась к нему, схватила за плечи и поволокла, толкая и напрягая все силы, вниз по светящейся струне к палубе корабля, а когда увидела привязанное к мачте тело – ужаснулась, разом почувствовав его боль и отчаяние. – Пожалуйста, не надо! Борись! Не уходи!!!

Она толкала его дух назад, понимая, что так обрекает на новую порцию страданий. И тогда вдруг разом вспомнились уроки Светлой Дамы, пришедшие в обрывках снов. Она наложила руки на истерзанную спину и направила все свое желание, всю силу на исцеление этого юноши, ощутив, как теплый мерцающий поток стекает с ладоней, медленно вливаясь в него. Она напрягалась, стараясь вложить как можно больше своей энергии в исцеление, пока еще может оставаться здесь, борясь со слабостью и желанием немедленно убираться назад.

Наконец его плечи дрогнули, бледное лицо повернулось к ней, и Диана поняла, что теперь он сможет выстоять в поединке со смертью. Губы Николо зашевелились, и голос прошелестел:

— Возвращайся, пора. Ты очень далеко...

Диана бросилась к нему и прижалась всем телом, стараясь напоследок выжать из себя еще хоть крохи сил.

— Только никогда больше не пытайся порвать нить, обещай! Никогда! Пожалуйста!!! — ее с силой потянуло назад, в Венецию, в дядюшкин дом, в маленькую комнатку, к столь поспешно оставленному бездвижному телу.

— Обещаю, — долетело издалека, и Диана ощутила спиной холод штукатурки, пошевелилась и бессильно упала на кровать.

Несколько дней она отлеживалась, начисто лишившись сил и не на шутку перепугав дядю и брата. А когда пусть медленно, но начала восстанавливаться, вновь потянулась мыслями к Николо и поняла, что он жив.

Если и существовало пекло на земле, то располагалось оно здесь, на вонючей нижней палубе военного османского галеаса «Сулеймание», где вместо адского огня всё лето их истерзанные тела жарило солнце, от которого слабо защищал хлипкий навес из парусины, а роль чертей с вилами выполняли вооруженные палками кёлебаши во главе с чаушем, не выпускающим из рук кнута.

Трясущиеся от напряжения руки. Голод. Такой, что мерзко воняющая похлебка, в которой регулярно попадают жирные опарыши, кажется съедобной. Монотонный скрип уключин и этот бой барабана. Непрерывный, сводящий с ума...

С момента своего попадания в рабство Никола потерял счет дням и неделям, отошал, осунулся и зарос грязью и вшами, впрочем, как и все остальные гребцы. Их приковывали к скамьям по пятеро. Рядом сидели и захваченные в плен христиане, и осужденные преступники, и вольнонаемные бедняги без гроша за душой, надеющиеся по окончании контракта свести концы с концами.

Каждый проклятый день был в точности похож на предыдущий и сводился к ожиданию ночи и короткого сна тут же на скамье. В последние же дни их и вовсе перестали расковывать и давать хоть какую-то передышку.

Единственное, в чем Николо крупно повезло, если понятие «повезло» вообще уместно в такой ситуации, то это с товарищами по несчастью.

Его могли сковать с турецкими каторжниками или чернокожими рабами из Африки, ни знающими ни слова ни по-итальянски, ни по латыни. Но хотя бы в этом Бог оказался милостив.

Николe досталось крайнее место у прохода, максимально удаленное от борта галеаса. Рядом с ним ворочал веслом плотный, начинающий лысеть средних лет венецианец Антонио Фьорини, аптекарь и алхимик, попавший в рабство, как и Никола, во время морского путешествия. За ним — захваченный в плен благородный, но очень бедный испанец дон Мигель Манрике, сухопарый, загоревший до черноты и заросший порывевшей на солнце бородой, который до хрипоты спорил с алхимиком о вопросах философии и веры, стараясь вырвать того из еретических заблуждений, почерпнутых последним из трудов Маркиона (*философ, чье учение признано еретическим*).

У борта сидели жилистый грек и еще один испанец, всегда молчаливые, но по разным причинам. У грека был вырван язык, поэтому говорить он попросту не мог, и имени его никто не знал. Зато он прекрасно изъяснялся, используя мимику и жестикуляцию в редкие моменты отдыха. А вот седоволосый дон Гаспар де Сунига, член ордена иоаннитов, редко снисходил до общения с чернью и перекидывался фразами на испанском лишь со своим соотечественником, доном Мигелем.

Постоянные горячие ночные дискуссии испанца с аптекарем не дали отупеть окончательно и бесповоротно. Сперва его удивляло, как можно в этом аду размышлять о философии и схоластике, но вскоре он понял, что для обоих пленников это и был способ не опуститься и не потерять волю к жизни.

Вслушиваясь в их научную ругань, Никола узнал множество нового. В том числе того, что раньше его совершенно не занимало: пересказанные испанцем выдержки из трудов Николы Кузанского, краткое изложение сути трактатов Пико делла Мирандоло, превозносимого аптекарем, и множество спорных аспектов веры и философии, которые, по искреннему убеждению Николы, ни стоили и выеденного яйца и сводились к борьбе всего хорошего против всего плохого. Где представители одних понятий о «всем хорошем» с удовольствием изводят других, чье «все хорошее» не соответствует их убеждениям об устройстве мира.

Когда он изложил эту мысль спорящим, оба накинулись на него, словно коршуны, не поделившие добычу.

Испанец, потрясая воздетым перстом, призывал его при первой же возможности исповедаться, причаститься и отправиться в покаянное паломничество в Монсеррат на поклонение Черной Мадонне (*католическая святенья*), а затем засесть за изучение трудов святого Франциска.

Итальянец же рекомендовал прочитать «Похвалу глупости» Эразма Роттердамского или «О тонкости вещей» Джероламо Кардано и «хоть как-то расширить свой узенький кругозорчик, впитав эти, незаслуженно попавшие в индекс запрещенных (*запрещенные инквизицией*), достойные труды!»

Из всего запрещенного Никола прочитал лишь ходивший по рукам затасканный томик «Декамерона» и не отказался бы почитать еще что-нибудь в том же духе. На это его высказывание оба спорщика выразительно закатили глаза, дон Мигель иронично-картинно перекрестился, а Антонио Фьорине разразился речью, что если Николо хочет стать настоящим творцом, художником, а не механическим исполнителем чужих заказов, – то обязан интересоваться не только юбками, но и облагораживающей звание человека философией.

Во время одной такой дискуссии дернул его черт, Никола рассказал о бенанданти, здухачах и своих ночных битвах. И о девушке, влившей ему силы, что дало ему шанс выжить.

— Во-о-от!!! – радостно завопил алхимик в лицо испанцу. – Вот доказательство того, что мир гораздо сложнее наших представлений о его устройстве! И герметическое учение – не ересь и не заблуждение!!!

— У юноши может быть падучая, сумасшествие и богатое воображение, – хладнокровно парировал испанец так, словно юноши не сидело рядом.

С тех самых пор Антонио Фьорини начал смотреть на него с интересом и ненавязчиво опекать. А через пару дней предложил провести эксперимент: при приближении надсмотрщика представить себя и сидящих рядом – пустым местом, невидимками. Никола пожал плечами и согласился. Чего теряет? И, к своему большому удивлению, он понял, что, когда проделывает это нехитрое действие, всегда злобный кёлебаши* (*буквально, начальник рабов*) с неизменным бичом в руках проходит мимо их скамьи, скользя взглядом, словно не замечая, даже когда они вдруг нарушали ритм или бессильно повисали на тяжелом весле, пытаясь восстановить дыхание.

— Брависсимо, мой мальчик! Да ты просто находка! Ты – самый настоящий магус натуралис и должен совершенствовать свой талант! А пока продолжай в том же духе – с тех пор, как нас перестали замечать, у меня зажила спина, а это немало! Ах, если бы Господь не разбрасывал свои дары кому попало! Уж я бы точно не завершил свой путь на этой посудине и давным-давно разбогател! От кого тебе досталось такое сокровище?

— От деда по матери, – Никола живо представил старика, каким увидел его в первый раз в горном сельце рядом с неприступным Цетинье, куда мама отвела его, единственного из сыновей, рожденного «в рубашке», чтобы познакомить со своими родителями. Мрачный, вечно недовольный, жилистый... с молодыми светло-кариими глазами и кустистыми бровями. Он долго на чем свет стоит костерил покорно сносившую это дочь. И даже пару раз приложил ее широкой ладонью по спине и шее. А гневался он потому, что, вопреки отцовской воле, дочка

вышла за латинянина. Даже грозился убить ее и добаться до мужа, чем привел тогда еще совсем маленького Николу в ужас. Когда же дед разглядел во внуке зачатки магической силы, подобной своей, то смягчился, впрочем, не забывая сетовать, что его кровь течет в жилах католика. А позже, втайне ото всех, дед отвел его в какой-то монастырь, больше похожий на крепость, где басовитый бородатый монах в черной ризе читал над ним что-то напевное на странном, отдаленно знакомом языке и поливал водой. Но даже после такого совместного тайного приключения, о котором дед предложил помалкивать, Никола еще долго продолжал бояться старика.

С остервенением почесав заросшую щеку и зло помянув всех кровососов вместе взятых, он невесело усмехнулся:

— С удовольствием бы уступил тебе этот «дар», забирай и делай с ним что хочешь. Впрочем, нет. Не весь... Кое-что я бы оставил, – в мыслях вспыхнул светящийся гибкий силуэт.

— И что бы это было? – в голосе Антонио прозвучал искренний интерес.

— А вот это уже не твое дело.

Такого рода разговоры вспыхивали каждый раз, когда на них оставались хоть крохи сил, и прекращались после злобного шипения невольников со скамей по соседству, которым ночные беседы мешали спать.

Наступившая осенняя прохлада принесла облегчение, но надзиратели словно с цепи сорвались, заставляя гребцов доводить маневры неповоротливого судна до совершенства, щедро раздавая удары палками и кнутами. К тому же погода не давала расслабиться – то налетали ветра, заставлявшие грести из последних жил, то путь выстилали такие густые туманы, что само море внизу, за кормой, нельзя было различить, лишь непроглядная мгла... А после ставших привычными воплей муллы, призывающего на молитву всех правоверных, тот еще начал раздражаться длинными проповедями, переводимыми доном Мигелем Манрике, суть которых сводилась к призывам к священной войне.

Новоприобретенные способности Николыгодились сполна, облегчая участь скованных с ним одной цепью людей. Вот только удавалось скрыться от внимания надсмотрщиков не всегда. Когда иссякали физические силы, то и его «духовная мощь», восхваляемая алхимиком, таяла, и товарищи по несчастью вновь становились видимыми и уязвимыми.

После многодневного изнуряющего пути Сулеймание наконец встал на якорь в заливе Патрас, близ городка под названием Лепанто* (*ныне Навпакт*), и гребцам был дозволен полноценный отдых. Им даже выделили порции, чуть более съедобные и обильные, нежели раньше.

Все водное пространство, куда достигал взгляд, было заполнено большими и малыми судами, а галеры под зелеными знаменами всё прибывали и прибывали.

— Кажется, готовится большое сражение, – высказался за всех испанец, сжав челюсть и сузив черные глаза. – И биться османы будут с нашими. Вот бы и нам...

Все молчали, понимая, что на сей раз надсмотрщики не ограничатся палками, а скованным людям нечего противопоставить пикам и мечам.

Вскоре их догадка подтвердилась, и по рядам невольников разнесся слух, что Али Паша, адмирал османского флота, собирается дать решительный бой и очистить, наконец, Ионическое море от неверных. После таких новостей напряжение и нервное ожидание на невольничьей палубе лишь возросли, но внутри Николы, несмотря на страх, появилась иррациональная надежда, ощущение, что его заключение подходит к концу. Всё решится очень скоро...

В туманный рассвет 7 октября года 1571 от Рождества Христова их разбудили суэта, выкрики на арабском и удары бичей. Османский флот выстроился в гигантский клин и тронулся к месту генерального сражения за власть над Средиземноморьем.

На сей раз их гнали, нещадно стегая кнутами и не давая поднять головы. Со своего места Никола мог видеть лишь борт и парус соседней галеры. Барабанный бой, тягучие турецкие

молитвы и крики возбужденных, готовых броситься в драку османов слились в одну нарастающую какофонию.

А потом грохнуло, и мир наполнился дымом.

— Наши пушки бьют! Это не османы! – проорал Мигель Манрике, попытавшись вскочить на ноги, чтобы обернуться и взглянуть на то, что происходит за их спиной, на носу галеса. Свистнул кнут, откинувший его назад на скамью и прошедший по спинам аптекаря и Николы. Испанец лишь завращал глазами, зло оскалившись.

Барабанный ритм ускорился, вновь за спиной, со стороны противостоящих туркам кораблей христиан, грянул громкий залп, и Сулеймание качнулся так резко, что гребцы чуть не попадали со скамей. Никола почти сворачивал себе шею, сиюсь разглядеть, что происходит сзади.

Снова ощутился резкий толчок, и уши заложило от криков. Все кёлебаши бросились к противоположному борту, за ними – вольнонаемные.

— Абордаж! Наши пошли на абордаж!!! – испанец схватился за цепь, протянутую вдоль скамьи, сковывающую их лодыжки, и, трясаясь от усилий, попытался ее порвать, ослабить. – Ну что сидите?! Помогите мне!

Дон Гаспар потянул с другой стороны, Никола вцепился в свой конец оков. Ни малейших результатов их усилия не принесли, а бой, начавшийся у левого борта, перекинулся на верхнюю палубу.

Строй кораблей был давно нарушен: в османский клин врезались суда, несущие красно-желтые флаги испанской короны, венецианские галеры с реющими золотыми львами на алом фоне, белые знамена с красными крестами на кораблях генуэзцев. Воздух сотрясаясь от раскатов пушечной пальбы.

С галеры с красно-желтым знаменем, поравнявшейся с ними бортом, раздался залп, на мгновение всех оглушил свист, и тяжелые пушечные ядра, пробив деревянные перегородки, врезались в ряды гребцов. Раздался грохот, чей-то отчаянный крик, Никола упал, учащенно дыша, глядя на окрашенные кровью щепки скамьи, на которой сидел секунду назад.

— Христиане! Вперед!!! – дон Мигель, окровавленный, с перекошенным лицом, поднялся на ноги. – Отомстим гадам!!!

Дико озираясь по сторонам, он подхватил обломок весла и, прихрамывая, рванул вверх, вклиниваясь в рукопашную на верхней палубе. * *(Такой эпизод реально произошел в битве при Лепанто, но имена гребцов хроники не сохранили.)*

Никола, пошатываясь, встал. Цепь, держащая лодыжку, лопнула. Нашарив и схватив за конец ее обрывок, он закричал и бросился вслед за испанцем, услышав сзади ругань и крик алхимика:

— Куда, дурень! Погибнешь!

Но он уже хлестал направо и налево по загорелым телам в шальварах, по бритым головам, не замечая густого черного дыма и не переставая кричать от страха и возбуждения, раскручивая цепь в руках, распаяясь всё больше, и остановился лишь когда понял, что бить больше некого, а голос Антонио Фьорини пытается докричаться до его сознания:

— Николо, готово!!! Мы свободны! Да успокойся же! Мы победили!!!

Тогда он бессильно опустился на залитую кровью палубу, судорожно глотая воздух, и увидел обеспокоенное лицо всклокоченного алхимика, счастливо улыбающегося дону Мигеля, всего в крови и копоту, с двумя светлыми дорожками, тянущимися от глаз к обгорелой бороде. А поодаль – победно размахивающих алебардами и палашами христианских солдат в сверкающих металлом кирасах и крепкого детину в позолоченном морионе на голове, хлопающего его по плечу:

— Парень, у тебя луженая глотка! Ты орал так, что даже я чуть в штаны не наложил! – раздался смех, вперемишку с радостной площадной бранью, а он всё не мог отдышаться, ста-

раясь скрыть в спутанных волосах лицо, чтобы никто не увидел слез, помимо его воли застилающих глаза и размывающих контуры привычного мира.

Глава четвертая

Год 1571, ноябрь.

С того самого памятного дня, когда быстроходная легкая фрегата* (*курьерское или разведывательное судно*) «Ла Гаттамелата» с развевающимися алыми знаменами ворвалась в лагуну и первые крики «Виттория!» раздались над разом заплывшей пристань толпой, город не переставал праздновать, погрузившись в победную эйфорию. Диана помнила тот день.

Двадцать первого октября* (*первые вести о победе под Лепанто пришли в Венецию 20 или 21 октября*) она снова помогала дядюшке разрисовать колосьями и виноградными гроздьями, символизирующими благополучие и богатство, проходную галерею узкого дома торговца провиантом, проживающего в приходе Сан-Мартино и недавно ставшего поставщиком для флота Светлейшей республики. В честь чего тот и решил украсить дом, чтобы продемонстрировать соседям новый статус. Но раскошеляться на дорогого мастера из Гильдии живописцев пожадничал, а нашел исполнителя, вполне сообразного своему кошельку и вкусу. И, как водится, сроки поджимали. Одиннадцатое ноября, день святого Мартина, когда ожидался прием гостей и демонстрация обновленного жилища, стремительно приближался.

Как и рассчитывала Диана, уговорив дядю Джероламо взять ее на совместные работы «всего разик, и только там, где это необходимо», ситуация, где требовалось ее участие, повторялась с завидной регулярностью. И вскоре дядюшка перестал протестовать, смирился, увидел выгоду и брал ее, переодетую юношей, с собой, представляя учеником.

Громкие вопли мальчишек и возбужденные голоса горожан, устремившихся к набережной Рива-дельи-Скьявони, заставили их побросать кисти и со всеми вместе поспешить ко Дворцу дожей.

Еще в августе, в самом начале морской кампании против османов, когда целая флотилия боевых галер отчалила от пристаней Арсенала, Диану поразило, как население Венеции разделилось на два лагеря, живущих словно отдельно друг от друга. Где одна половина столицы замерла в тревожном ожидании, в страхе за судьбы ушедших на войну близких и друзей, а другая изо всех сил старалась не замечать и не размышлять об этом, не думать ни о чем, что могло бы омрачить их быт и благополучие.

Все перемешалось на улицах и в головах горожан. Покаянные литии сменяли карнавальные шествия, нарочито пестрые и неестественно веселые. Распевные молитвы чередовались с похабными песенками. Одни жертвовали флоту Светлейшей все накопления, другие же пускались во все тяжкие.

Но когда первый парусный вестник появился на горизонте, весь город бросился на площадь перед дворцом.

Они с дядей и братом с трудом протолкались сквозь толпу, чтобы хоть одним глазом увидеть, что происходит, и услышать новости из первых уст.

От пристани к Палаццо Дукале маршировала колонна воинов, человек в двадцать, во главе с пожилым офицером в поцарапанной кирасе и золоченом морионе с обломанными красными перьями на помятом гребне, единственным, сохранявшим суровое выражение. На лицах сопровождающих его, покрытых копотью фантов* (*солдат-пехотинцев*) и моряков, играли сдержанные счастливые улыбки. Над площадью висел гул толпы, прорезаемый восторженными выкриками женщин и свистом мальчишек.

Вслед за командиром, торжественно несущим дожу Альвизе Мочениго и Совету Десяти свернутый и запечатанный свиток с посланием от Дона Хуана Австрийского, пружинисто вышагивал то ли сержант, то ли капрал морской пехоты. Он небрежно взгромоздил на плечо, словно обычную палку с привязанной к ней тряпкой, метущее плиты площади захваченное османское знамя и белозубо улыбался встречающим. Поравнявшись с толпой, он скинул

морион с головы и помахал им в приветствии. Ветер вскинул светлые волосы, блеснули яркосиние глаза, и площадь огласил радостный девичий визг, заставивший Диану зажать уши. Народ засуетился, задвигался, и их оттеснили, закрыв весь обзор.

С тех пор прошел почти месяц. Корабли победителей все прибывали, и, хотя не вызывали больше такого ажиотажа, приподнятое настроение не покидало жителей столицы.

Вот и сейчас, то ли из-за этого ощущения праздника, то ли по какой другой причине, заказчик, приняв расписанную в срок галерею, расщедрился и, заплатив оговоренную сумму, несмотря на дневное время, пригласил дядюшку в таверну «обмыть это дело», а ей с Лоренцо вручил богатый «знак благодарности» — ему гроссо, а ей целых два, отчего у брата вытянулось лицо.

И вот они, не переставая переругиваться из-за этой второй монеты, шагали по узким улочкам Кастелло к церкви святого Мартина, где Диана решила поставить благодарственную свечу.

— Дианетта, ну согласись же, это не имеет никакого смысла! Мы работали вместе, я так даже побольше твоего, так что деньги нужно поделить поровну! И вообще, это ведь дурацкая ошибка! — Лоренцо разочарованно канючил, всем видом демонстрируя обиду.

— Ничего подобного! Что-то я не замечала, чтобы ты делился, когда большая сумма достается тебе! Тем более что тогда эти монеты окажутся на игровом столе! Уж слишком часто ты начал посещать игорные дома, братец! А купец так и сказал: «А это вам, молодой человек, за ту прекрасную фигуру Флоры, что вы написали!» То есть мне! — Диане вовсе не было жаль денег, и спорила она исключительно, чтобы подразнить братца. Настроение было приподнятым, ведь заказчик больше всего нахваливал ту часть изображения, которую нарисовала именно она!

— Ага, за Флору, как бы не так... он тебя еще по спине так нежно погладил. Сдается мне, что купец-то наш из этих, что носят ньягу на карнавалах...* (*маску, похожую на мордочку кошки, на карнавалах носили мужчины, переодетые в женщин, зачастую гомосексуалисты*)

Диана непонимающе уставилась на него и пожала плечами.

— Ох уж этот твой благопристойный приют... ничего не знаешь.

— Так объясни! — почему-то после этого ее восклицания Лоренцо смутился.

— Ну, как бы сказать... Короче, если мужику ляпнуть, что он любитель надевать такие масочки, скорее всего, тот здорово разозлится. Ну а если кто рядом есть, так смеяться над ним будет... как-то так.

— Ничего не поняла, ну да ладно. Не особо и интересно.

Выйдя на кампо перед незатейливой кирпичной церковью с фасадом, украшенным потемневшей от сырости статуей святого, отдающего свой плащ нищему, Диана остановилась, и уныло бредущий за ней Лоренцо чуть не врезался ей в спину.

— Ты чего?!

— Что-то мне расхотелось идти внутрь, — она кивнула на толпу живописно-грязных калек и побирушек, оккупировавших вход храма и изображающих, каждый в меру своей фантазии, раненых бойцов недавней морской битвы.

— Ничего себе! Еще и треть флота не вернулась, а «героев» уже пруд пруди! — хохотнул брат. — А я говорил, нечего тут делать! Лучше давай поделим тот гроссо! Он и достался-то тебе случайно!

Диана досадливо вздохнула. Не будь Лоренцо таким напористым и признай, что она заслужила награду своим талантом, она сама отдала бы ему одну монету. Снова обвела взглядом маленькую площадь: торговцев всякой всячиной, рассеявшихся на лавочках; попрошайек, протягивающих к прохожим покрытые язвами руки; мальчишек, стреляющих глазами по чужим кошелькам, и почтенных матрон, демонстративно крестящихся на статую святого Мартина и не менее демонстративно протягивающих мелкие медяки нищим.

Еще раз вздохнув, она было решила развернуться и отправиться к дому, как взгляд приковала фигура, не вписывающаяся в общую картину.

В центре кампо, привалившись к высокому бортику колодца и скрестив на груди руки, стоял высокий истощенный мужчина и жадно провожал взглядом каждую медную монетку, брошенную прихожанами попрошайкам. Был он бос, одет в старую матросскую рубаху, тесную и явно с чужого плеча, и потрепанные протертые штаны до колен. Спутанные каштановые волосы закрывали от нее лицо. И хотя его одежда ничем не отличалась от обносков нищей братии, разве что была немного чище, нищим этот человек явно не являлся — в нем не было суетливой униженности и напорного подобострастия попрошаек, а от всего его облика веяло растерянностью.

— Знаешь, если зажмешь эти деньги себе, я точно отговорю отца брать тебя на такие работы! — сделал очередную попытку Лоренцо.

Диана начала злиться: похоже, братец снова проигрался и остался должен, раз так вцепился в несчастный гроссо. Она сердито посмотрела ему в лицо и решительно направилась к колодцу.

— Синьор! — мужчина повернул к ней голову, и она увидела, что он очень молод. И очень симпатичен, хоть и выглядит так, словно долгое время бродяжничал и недоедал. Его брови вопросительно поползли вверх, в светло-карих глазах, показавшихся ей странно знакомыми, читалось удивление.

Диана почувствовала себя слегка глупо и начала скороговоркой:

— Синьор, это не милостыня. Просто мне сегодня очень повезло, а чтобы удача не покинула, нужно ей с кем-нибудь поделиться! — вытащив серебряную монету, она вложила ее в жесткую мозолистую ладонь замершего с непонимающим и от удивления слегка глуповатым выражением парня, развернулась и зашагала назад, к выпучившему глаза и задышающемуся от возмущения брату.

— Я ее верну! — услышала она вслед.

Оглянувшись, увидела ошарашенно-радостное лицо незнакомца и улыбнулась, отчего-то ощутив приступ веселья.

— Ты ненормальная!!! Тебе самое место в доме скорби, среди психов!!! — Лоренцо разозлился не на шутку. — Ты отдала нищему сумму, которую я зарабатываю за целый день! Ты... — он резко развернулся и зашагал с площади в направлении Каннареджо, домой, пылая от праведного гнева.

Диана проводила его взглядом, но, вопреки обыкновению, не побежала вслед, чтобы успокоить, а направилась прогуляться к городскому рынку, тем более что находился тот относительно недалеко от дома дяди — только Гранд-канал перейти. Заодно в очередной раз полюбоваться фресками маэстро Тициана и маэстро Джорджоне на здании Немецкого подворья возле моста, слегка осыпавшимися, но все еще поражающими воображение* (полностью разрушились в начале XVII века), а по пути купить брату что-нибудь сладкое, чтобы помириться.

После петляния по узким улочкам и мостам, перекинутым через множество каналов, и почти заблудившись, она наконец вышла к Кампо Сан-Лука, в самый центр города. Откуда уже легко нашла дорогу к мосту Риальто и, протолкавшись через шумную толпу спешащих на рынок и возвращающихся с него горожан, перешла через Гранд-канал, где людской поток вынес ее к церкви Сан-Джакомо. Со всех сторон из лавок и трактиров слышались выкрики зазывал, а от запахов специй, рыбы и вина закружилась голова.

Возле Горбуна — статуи коленопреклоненного титана, поддерживающего лестницу, ведущую наверх небольшой колонны, на которой зачитывались указы властей, — толпился народ, ожидая выхода глашатая. Диана остановилась, чтобы перевести дух.

— Он тот самый... Ой, да ты видела! Тот красавец, что у турок знамя отбил, — позади нее стояли две молодые женщины и азартно перемывали кости какому-то «тому самому».

— Да ты что? Он?! И так быстро вступает в должность?! Это ж какие у него связи!

— Да нет же! Связи, говорят, ни при чем. Он же прославился! И в сражении том, и здесь. Сразу же, когда в ночном дозоре служить начал. Они банду чернокнижников накрыли, когда старого капитана колдун убил и чуть не удрал. А этот, значит, поймал, хоть чернокнижник его и ранил.

Женщины заахали, проталкиваясь к возвышению, на которое уже поднимался глашатай в красном капюшоне. Ударил колокол.

Диане стало любопытно, и она осталась выслушать объявление.

— Да будет известно всем! — начал чиновник. — По решению Прокураторов и по воле Совета Десяти с этого дня капитаном Ночного патруля района Кастелло, за заслуги перед Венецианской республикой, назначается Альвизе Моро, рожденный в Напули ди Романья!

Раздались одобрителыные выкрики и гомон; те две девушки, чей разговор она невольно подслушала, захлопали в ладоши, явно стараясь привлечь чье-то внимание.

По взмаху руки глашатая к колонне объявлений из толпы выступил мужчина в темном плаще с нашивкой в виде маленького крылатого льва на плече, надетом поверх серого дублета. Его добротные кожаные сапоги, спущенные чуть ниже бриджей, были заляпаны грязью, словно тот побывал в самых неприглядных местах города. На черной шляпе с круглой тульей красовалось красное перо, а спада да латта* (*букв. «шпага на боку». Разновидность шпаги, отличающаяся от поздней тонкой дуэльной своей массивностью, переходное оружие от тонкого меча к шпаге*) и дубинка у пояса не давали ошибиться в профессиональной принадлежности их владельца.

Он обернулся к толпе, скинул шляпу, слегка наклонив голову, и Диана узнала в нем того белозубого капрала, несущего захваченное османское знамя. Только на сей раз он не улыбался. Синие глаза холодно смотрели сквозь толпу, а лоб и левую бровь мужчины рассекал глубокий подживший порез.

Он был очень, ну просто очень красив, напоминая обликом и осанкой Капитана бенанданти. Только надменное и слегка насмешливое выражение лица портило впечатление.

Глашатай продолжил читать указ, а она развернулась и направилась к хлебным рядам купить домой медовую коврижку, чтобы умастить Лоренцо, который, несомненно, все еще дуетя.

С самого момента освобождения единственная мысль, завладевшая им целиком и полностью, — домой, скорее вернуться домой! Точнее, в Венецию, к мастеру Джулиано. К нормальной, привычной и абсолютно прекрасной жизни, которую раньше он воспринимал как нечто само собой разумеющееся.

И если бы не их отчаянный бросок на помощь абордажникам, атакующим «Сулеймание», сидеть бы ему где-нибудь на Корфу еще с полгода, ожидая весны, когда море перестанет штормить и галеры с освобожденными рабами потянутся к родным берегам.

Команда венецианцев, захвативших османский галеас, благосклонно отнеслась к землякам, ударившим в тыл врагу и тем самым переломившим ход боя. Дона Мигеля заслуженно чествовали как героя, а ему вместе с Антонио Фьорини предложили отправиться в Светлейшую вместе с командой, не дожидаясь возвращения всего флота.

И тогда снова пришлось сесть за весла, при одном взгляде на которые Николу трясло от отвращения. Но это был последний раз в жизни. Так он, во всяком случае, вслух поклялся себе, вызвав скептический смех алхимика: “Не зарекайся, приятель!”

И вот, тепло попрощавшись с Антонио и моряками, вдохнув полными легкими пахнувший рыбой и специями воздух Венеции, он пошел сквозь встречающую толпу с набережной Арсенала к церкви святого Мартина. Здесь он горячо пожалел, что не принял приглашение в дом аптекаря, пообещав найти того позже. Виной этому были опасения Антонио после двухлетнего отсутствия застать в постели жены какого-нибудь “своего заместителя”, а Никола не желал ни видеть, ни слышать ни ссор, ни скандалов, ни бурных встреч — его-то самого никто особо не ждал... А может, желание поскорее вернуться к нормальной жизни сыграло с ним злую шутку.

Лишь оказавшись на рабочей окраине города и взглянув на себя со стороны, он понял, что выглядит не лучше заросших грязью нищих, толкающихся у паперти. И что в таком вот виде он чуть было не заявился в мастерскую к маэстро Джулиано, пройдя сквозь улицы Марчерии грязным и вонючим оборванцем.

Никола почувствовал себя жалким и скривился от этого ощущения. Конечно, ему обидно. Но в мыслях живо представились снисходительные, унизительно-сочувственные и слегка брезгливые взгляды маэстро, подмастерьев и учеников. И комментарии: “А я говорил... не доведут тебя амбиции до добра!” И почему он не подумал об этом раньше?!

Он остановился посреди кампо у колодца, мучительно соображая, как же поступить — будь у него хоть немного денег, чтобы пусть не привести себя в божеский вид, но хотя бы не вызывать отвращения...

В протянутые грязные ладони нищей братии честные обыватели время от времени бросали мелочь. Он глубоко вздохнул. До попрошайничества он не опустится даже под угрозой смерти. Видимо, придется вернуться к докам и предложить себя в качестве носильщика на день-другой, чтобы не заявляться в мастерскую полным ничтожеством и неудачником. Но как же не хочется.

— Синьор!

Он не сразу понял, что обращаются именно к нему, и, обернувшись, с удивлением уставился в юное лицо большеглазого мальчишки. Под его взглядом тот залился краской, протянул серебряную монету и выпалил, что не собирался его оскорбить и что это не является милостыней...

От удивления на пару секунд Никола потерял дар речи, успев лишь крикнуть вдогонку, что вернет деньги... вот только если узнает кому, подумал он про себя.

Мальчишка обернулся и улыбнулся. Поворот головы и тонкая фигура показались знакомыми, и Никола уставился ему в спину, не понимая, что такого странного в этом парне. И задохнулся от пришедшего понимания. И узнавания.

Походка, движения, улыбка... мужчины так не двигаются, не смотрят, и их улыбка не вызывает желания, позабыв всё, бежать следом. Впрочем, как и ничья другая, кроме той, которую он не увидел, а, скорее, почувствовал на крыше Оспedale-делла-Пьета. И он бы побежал, не ощущая себя сейчас настолько жалким и отвратительным.

“Такого не может быть! Не бывает в жизни таких совпадений!!!”

Потом пришла мысль, что теперь он ее точно встретит вновь. И познакомится. Но только не в таком виде.

Проводив девушку взглядом, Никола с сожалением вздохнул и направился в город привести себя в порядок и, наконец, вернуться в мастерскую.

И вот, по прошествии нескольких дней, когда ажиотаж и интерес к его персоне поутих, расспросы сошли на нет и жизнь, пусть медленно и со скрипом, стала входить в свое нормальное русло, он начал размышлять, как найти Диану-из-приюта. Его распирало любопытство, почему она расхаживает по городу, переодетая в юношу, и он прикидывал, где их пути могли

бы пересечься. Ничего разумного в голову не приходило, и Никола решил, что для начала будет решать более насущные вопросы, которых накопилось в избытке.

Маэстро Джулиано даже празднование в честь его возвращения закатил, однако сразу после недвусмысленно напомнил про долг, а плату урезал, аргументировав это тем, что принял на его место нового подмастерья, что руки Николы отвыкли от тонкой работы и нужно время, чтобы восстановить все навыки. И продыху не давал, загружая рутинной работой.

Хорошо, что старая вдова, у которой он до своего несчастного путешествия на Сицилию снимал комнатку на Кале деи Фурлани, целый год продержала ее пустой, не взяв нового постояльца. И никто, кроме хозяйки и стаи кошек, прикормленных старушкой, не заходил внутрь.

Мадонна Пьетра благоволила Николу сразу по двум причинам — ее покойный муж был мелким ювелиром, и она умилялась постояльцу с той же профессией. А ее сын: “Когда отправился искать счастья в Новый Свет восемь лет назад, был того же, как ты сейчас, возраста и таким же красавцем”, — и что она загадала: “Если вернется Николо, то, возможно, Бог смиляется и возвратится и ее дитя”.

Но как бы “тетка Пьера”, как хозяйка сама величала себя, ни покровительствовала ему, плату за постой это не отменяло. А еще нужно было заменить одежду и купить более приличную пару башмаков взамен ругляди, приобретенной на подаренный гроссо.

Никола написал и отправил письмо отцу и братьям в родной Котор о том, что благополучно вернулся из турецкого плена и что дела его идут отлично, и из принципа не стал просить прислать хоть какую сумму.

Неожиданно в решении денежной проблемы ему помог Антонио Фьорини, дом которого Никола нашел сразу же, как маэстро Джулиано расщедрился на пару часов свободного времени для подмастерья.

С момента их расставания друг по несчастью преобразился. Перед ним предстал не уставший истощенный, заросший бородой и с поредевшими волосами человек, а почтенный респектабельный горожанин, даже немного округлившийся и помолодевший.

— Николо!!! Приятель, я уже начал беспокоиться и хотел разыскать тебя сам! Карлотта, выйди! Вот этот друг, о котором я тебе рассказывал! И принеси вина и что-нибудь закусить! — крикнул он вглубь дома. — Да заходи же! Рад тебя видеть в здравии! Хоть и не в богатстве, — добавил он, скептически оглядев фигуру Николы.

В дверях трапезарии появилась высокая сухоощавая женщина с кувшином вина на подносе.

— А это моя жена, мадонна Карлотта Фьорини, — представил он супругу, нежно хлопнув ту по тощему задку. Затем поставил стеклянный бокал перед гостем и, обернувшись к ней, добавил: — Девочка моя, когда видишь этого молодого синьора, неси сразу лучшее вино, чтобы не ходить в кладовку дважды!

“Девочка”, на добрые полголовы возвышающаяся над супругом, окинула критическим взглядом одежду Николы, сердито вздохнула и удалилась за новой порцией вина.

— Рассказывай, как ты? Как встретила новая жизнь?

— По сравнению с галерой — просто прекрасно, — усмехнулся Никола. — А остальное — пустяки, как-нибудь разрешится.

Он кратко описал свое новое положение и, подумав, рассказал о встрече на площади святого Мартина с девушкой, спасшей его жизнь на турецкой фусте. Это событие не давало покоя, ему просто необходимо было поделиться с кем-то, кто сразу же не запишет его в сумасшедшие. И этим единственным человеком был алхимик.

— Такие встречи не происходят случайно, парень! Ты просто обязан ее найти!

Увидев помрачневшее лицо Николы, аптекарь подлил в стаканы, отсалютовал и сделал глоток.

— Вижу, тебя беспокоят, так сказать, прозаические моменты... чтобы произвести благоприятное впечатление на синьорину. Хм... Десяток сольдо я тебе займу. Не отказывайся, вернешь, как сможешь. Одного не понимаю, почему ты, природный маг, не разживешься деньгами с помощью своего дара?!

— Антонио, ты бредишь. Да какая там магия?! Я собираюсь стать лучшим ювелиром этого города! Тратить время на глупости?! Я и так потерял его слишком много и до сих пор гибкость пальцев восстановить не могу. Уволь.

Антонио демонстративно вздохнул, покрутил пальцем у виска и простонал:

— Боже, ну кому ты раздаешь свои дары?! В молодости я два года проучился в Падуанском университете, перечитал горы книг, год потратил в путешествии, чтобы отыскать секреты получения философского камня! Есть там какая-то тонкость! Точно говорю! Старался узнавать мудрых людей... Я был знаком с самим Джероламо Кардано! Человеком, написавшим “Книгу об игре в кости” и сделавшим невероятное — подчинившим себе удачу! И всё для того, чтобы постичь тайны мира, ощутить ту силу, которая тебе, ослу, досталась просто так! Даром. Ну и заработать, конечно, но это вторично. А ты бездарно отбрасываешь ее!!!

Никола рассмеялся и отхлебнул из бокала:

— Удачи в постижении!

— Смейся, смейся... Когда я сотворю философский камень или хотя бы выведу гомункулуса, сам же первый будешь хвастать и гордиться знакомством со мной! И со скидкой покупать золото для работы!

И хотя Никола не собирался снова как-либо испытывать “свои дары”, стараясь игнорировать все, кроме ночных вылетов, разговор о магии и упоминание о “подчинении удачи” навели его на идею, как подзаработать.

Поэтому первым делом он купил игральные кости и несколько вечеров подряд тренировался направлять мыслью и внутренним намерением кубики в нужное ему положение. Сперва не получалось ровным счетом ничего, и он решил было плюнуть и оставить эти попытки, но упрямство и надежда на легкую наживу не позволили сдаться. Никола до деталей вспомнил свои ощущения, когда ему удавалось скрывать себя и товарищей от плетей надсмотрщиков, и попытался воспроизвести это внутреннее состояние при очередном броске. Кости легли не идеально, но два из трех кубиков показали нужный результат. Тогда он начал тренироваться с одним, потом двумя. А когда получилось управлять сразу тремя, понял, как направлять намерение, чтобы выигрывать. Предстояло еще научиться контролировать кубики в чужих руках, но он был уверен, что сумеет. Осталось лишь испытать это в игорном доме.

Назавтра, расспросив в мастерской, знает ли кто более-менее приличное место, где можно испытать удачу, он услышал о десятке таких заведений, но оба его приятеля-подмастерья сошлись на том, что лучшее место для таких, как они, — таверна “У веоря” в Каннареджо, и один из них, Гаспар Бруно, вызвался отвести его туда и: “Показать, как настоящие мужчины играют в кости и не боятся рисковать”. Усмехнувшись про себя, Никола согласился. Он-то как раз рисковать не собирался.

Таверна “У веоря” ничем не отличалась от сотни таких же заведений, щедро рассыпанных по городу. Низкий закопченный потолок с неотесанными балками, скамьи вдоль стен и грубые столы с многолетними следами разлитого вина и жира на них. От каменной жаровни в углу расходился острый запах коптящейся на углях рыбы. Из угла доносилась звонкая брань куртизанки, по-видимому, не получившей обещанной суммы.

Гаспар прошел к одному из столов и представил Николу как человека, желающего испытать удачу. Сразу десяток глаз уставился на новенького, и как только проигравшийся солдат с грязной руганью встал из-за стола, довольный тип бандитского вида кивнул Николе на освободившееся место.

— Только не с этим, дурья башка! — только и успел шепнуть Гаспар, но Никола уже усаживался за стол.

Начал игру неприятный тип, и первое сольди Никола проиграл, не справившись с чужой волей. На своем броске он специально назвал ошибочный результат, расставшись со второй монетой, и когда игрок, сидящий напротив, расслабился и предложил поднять ставки, Никола сосредоточился, отключившись от шумного зала, и в мыслях направил чужие три кубика на три тройки, составляющих названную им цифру девять. Кубики легли двумя четверками и единицей. Он удивился и неприятно похолодел внутри, но выпавшая девятка означала, что выигрыш его. Окружающие подбадривающе зашумели.

Свой бросок лег идеально, и, пододвигая к себе монеты, он уловил злой и неверящий взгляд проигравшего. Дальше игра пошла так, как хотелось ему. Изредка он проигрывал, чтобы не вызывать и так возникшие подозрения. Менялись игроки, росли ставки, а горка серебра пред ним неизменно росла. Гаспар радостно хлопал его по плечу и орал так, словно выигрывал сам. Публика подбадривала, проигравшие чуть ли не обнюхивали кости, ища и не находя шулерства и подвоха. Николу захватил азарт. Деньги сами, без труда и пота текли в кошель! “Это какая-то дьявольская работа!” — уловил он чей-то комментарий и усмехнулся. Все шло слишком хорошо и легко.

Пока на скамье напротив не появился серый неприметный человек, поставивший сразу пять сольди, которые Никола без труда выиграл.

— Прекрасно, молодой человек! — голос мужчины был таким же обыденным и незапоминающимся, как и внешность. — Повторяю ставку, — последовал бросок.

Никола попытался воздействовать на кости, выскользнувшие из рук незнакомца, но словно наткнулся на стену. Он в неверии уставился на кубики, впервые за вечер не подчинившиеся ему.

— Продолжим? — в голосе невзрачного типа читалась насмешка.

Никола сделал бросок и почувствовал, как чужая воля охватывает кубики и поворачивает совсем не так, как задумал он. В последний момент, напрягая волю и преодолевая сопротивление, он вернул вертящиеся кости в задуманное положение.

— Bravo! — кажется, неприметный прокомментировал вовсе не выигрыш; в его голосе прозвучали нотки неподдельного интереса, и Никола почувствовал изучающий, словно ошупывающий его взгляд, проникающий в самые глубокие закоулки души, и вздрогнул от этого мерзкого ощущения.

Внутренне собравшись, он оттолкнул это навязчивое давление, сосредоточился и мысленно ударил по липким щупальцам чужого внимания. Облегченно вздохнул.

— Bravo еще раз! — повторил тип. — А позволь спросить твое имя и род занятий, если это не тайна, конечно, — усмехнулся он.

— А мне скрывать нечего, я не жульничаю и законов не нарушаю, — в тон ему усмехнулся Никола. — Я подмастерье золотых дел мастера, маэстро Джулиано Альфани. Пока подмастерье... А вскоре буду лучшим ювелиром этого города. Одним из лучших!

— Во как... Ювелир... Интересно... Вот что, мастер. Предлагаю увеличить ставку, — голос этого серого неприметного мужчины долетал теперь словно из пустоты.

Оглянувшись вокруг, Никола почувствовал себя отсеченным от реальности. Люди, минуту назад толпившиеся вокруг стола, подбадривающие и ругающиеся, разом потеряли интерес к игре. Гаспар, неизменно стоящий за спиной, куда-то исчез. Звуки вокруг стали глухими, тихими. Словно неведомая сила заключила его вместе с мутным типом в прозрачный пузырь, отрезавший их от мира. Он, как некогда на Сулеймание, ощутил себя невидимкой, но невидимкой по чужой воле.

— Мы делаем по три броска. Если выигрываешь ты, тогда получаешь вот это, — незнакомец вытащил из кошелька три золотых дуката, со звоном упавших на стол. Никто даже не

повернул головы на такую огромную для подобного места сумму. Николе стало не по себе, по плечам пробежала волна холодных мурашек. Он нахмурился:

— А если я проигрываю? Моего серебра не хватит и на один золотой.

— Ты потеряешь сегодняшний выигрыш и исполнишь одно мое желание.

Никола захохотал нарочито громко и картинно:

— Синьор, самая дорогая цена платится за кота в мешке! Я не знаю, что вам от меня надо, и пока не буду знать конкретно, даже пробовать не буду. Ни за три, ни за сто три дуката. Думаю, на этом мы закончим наше знакомство, — он попытался подняться, но взгляд — черный и тяжелый — оборвал его речь и пригвоздил к месту. Он снова попытался привстать, но почувствовал себя беспомощным жуком на булавке.

— Ты прав, — зрочки, показавшиеся провалами в темноту, неотрывно следили за ним. — Мне будет нужна твоя профессиональная услуга. Возможно... Если проиграешь ты, то обязешься сделать для меня одну вещь. Украшение. И точно по инструкции.

— И это все?

— Все. Более того, если тебе придется его делать, ты даже получишь плату за работу.

— И какая же выгода в этом для вас? Не понимаю.

— А это уже не твое дело. Твоя выгода, по-моему, очевидна. Играем?

“А что я, собственно, теряю? Даже проиграв, мой убыток — несколько спущенных в самом начале сольди. Три дуката... Почти половина долга мастеру”.

— Играем, — решил Николай, хотя кожей ощущал, что за этой сделкой стоит нечто большее, чем изготовление обычной безделушки.

— Отлично. Но сперва ты поклянешься выполнить договор. Не смейся. Слово, произнесенное вслух, не даст его нарушить.

Произнеся клятву на латыни, Никола почувствовал странное содрогание воздуха, и снова холодок пробежал по спине. Но уже через мгновение все внимание заняло противостояние со странным человеком.

Он напряг всю волю и сосредоточил внимание на трех костяных кубиках.

Это была странная игра, более походившая на борьбу. В ней не было случайности или удачи: оба точно знали, какое число они собираются получить, и пытались помешать друг другу.

Первый бросок выиграл незнакомец. Никола не смог даже почувствовать кости в его руках, зато свои с напряжением подчинить удалось, вызвав недовольство на лице противника. Он сосредоточился на втором броске мужчины напротив и на мгновение обрел власть над кубиками, но чужая воля пересилила. Поборов разочарование, он напрягся. И снова удалось выиграть свой бросок. Со лба тек пот, а руки подрагивали, словно после дня гребли. На последней попытке странного типа он напряг все силы, уже чувствуя победу, и, казалось, окончательно подчинил себе кубики... Но в самое последнее мгновение кости, почти застывшие на столе на задуманной им цифре, дернулись и перевернулись по воле соперника.

“Ничья”, — подумал Никола. “Каждый остается при своем, и слава Богу”.

Он напрягся и бросил три кубика, загадав семерку в сумме, уверенный в успехе. Взглянув на серого типа напротив, он поймал насмешливый взгляд и понял, что кости вертятся на столе слишком долго и что он не чувствует их и не может подчинить. Станный человек щелкнул пальцами — кубики, словно ожившие, сделали несколько кульбитов и запрыгнули в его протянутую ладонь.

— Девятка. Я выиграл.

Никола потрясенно смотрел, как тот сметает со стола серебро, бывшее секунду назад его, и что выглядит он, в отличие от самого взмыленного Николя, свежим и совершенно не уставшим. Поймав его взгляд, незнакомец усмехнулся:

— Я или кто-то от моего имени напомнит тебе об обещании. А пока научись управлять и контролировать свою силу, — он поднялся из-за стола и буквально растворился среди посетителей трактира, а на Николу обрушился гул голосов.

Пошатываясь от навалившейся усталости и проклиная себя за глупость, он поплелся к выходу. В голове царила странная пустота. Сколько ни силился, он не мог вспомнить лица игрока. Отдельные фрагменты — глаза, руки, голос — никак не складывались в общую картину. Такого с ним еще не случалось.

— Пстой! Ну ты и здорово играл сегодня!!! Как у тебя так получается, научи!? — полноватый парень с пухлыми губами и детским выражением лица восторженно уставился в лицо Николы, заставив позабыть о странном, обыгравшем его человеке.

— Просто удача, — ответил он, невольно расплываясь в улыбке.

Ведь именно с ним, этим неуклюжим юношей, он увидел Диану перед церковью святого Мартина. “Ну хотя бы ради этого стоило продуть”, — подумалось ему, и потеря монет разом стала не такой обидной.

Глава пятая

С момента знакомства с той самой девушкой все другие интересы отошли на второй план.

Никола несколько дней втирался в доверие и обхаживал Лоренцо, который не узнал в нем нищего у колодца и наивно полагал, что подмастерью ювелира, как человеку творческому, интересующемуся искусством, страшно интересно дружить именно с ним.

Он выведал, что у этого неуклюжего парня есть сестра, которая: “Хотя несколько лет и жила в Приюте Милосердия — девчонка чудная и вредная. Если что в голову втемяшится — пока своего не добьется, не успокоится!” — и у Николы радостно подскакивало сердце — если была в приюте, это точно она...

На остатки одолженных у алхимика денег он разжился более приличной одеждой, привел волосы в порядок, посетив цирюльника, и приготовил новенький серебряный грессо, раздумывая, не оправить ли его в филигранный узор как кулон. А если так сделать, то не выйдет ли неловко. И все-таки вставил его в оправу, довольно простенькую, поскольку делал ее наскоро, когда маэстро Джулиано не видел. Кулон этот Никола теперь всегда носил на шее, поджидая подходящего момента, чтобы отдать, когда Лоренцо представит его сестре.

А когда, наконец, познакомился, под суровым взором отца нового приятеля, сразу вручить украшение постеснялся.

И еще Никола ясно понял, что пропал. Потому как теперь и без того навязчивые мысли о спасшей его девушке совсем не выходили из головы. И лицо ее, еще до настоящего знакомства, он представлял себе именно таким: живым, насмешливым, улыбчивым. Настоящим. И фигуру. И волосы, собранные в толстую косу. И эти порывистые движения...

И говорить с ней, в отличие от других женщин, было интересно. Когда он представился подмастерьем знаменитого ювелира, она не стала, как большинство, ворковать: “Ах, как интересно, ах, золото, ах, жемчуг, ах, украшения”, или донимать расспросами, какие эгретки* (*ювелирное украшение, крепящееся на волосы*) нынче в моде, а, подавив смешок, заявила, что “ювелир — это почти художник. Не дотягивает, но почти.”

Из-за этого они чуть было не поцапались в первые минуты знакомства. Никола начал горячо убеждать, что ювелир — это гораздо больше. Что он и художник, и литейщик, и скульптор в одном лице. Потребовав лист бумаги, он тут же набросал ее портрет, после чего Джероламо ди Артенья высказался, что двери его дома для Николы всегда открыты, но самое главное — Диана взглянула на него с неподдельным восхищением.

Тогда же он узнал и то, почему девушка расхаживает в одежде мальчишки, и увидел ее рисунки — неловкие, как и все изображения в этой мастерской, но от которых веяло теплом, старанием и удовольствием от работы.

Смущало Николу только одно — а поняла ли она, кто он такой... То есть того оборванца, которому отдала заработанный грессо, она, конечно, сразу же узнала, удивление на ее лице было трудно не заметить. А вот знает ли, что именно он вывел ее дух к Оспедале-делла-Пьета и что именно его спасла в самый тяжелый момент жизни? Спрашивать он не решался.

Казалось, что с момента знакомства с Дианой удача снова повернулась к Николе лицом. Маэстро Джулиано, хоть плату и не поднял, но снова начал давать ему сложные задания с правом делать изделия по своим эскизам и иногда, при особо крупных заказах, выплачивал какой-никакой процент помимо платы. Руки снова слушались, и даже лучше, чем прежде, а украшения — изящные перстни, тонкие браслеты и, конечно, эмалевые пластины с росписью — вызывали восторг покупателей.

И сны, в которых он снова и снова ворочает тяжелым веслом, слышит тягучие крики муэдзина и пробуждается в холодном поту, отступили, сменившись на что-то солнечное. Словно и не было полгода унижений, голода и отчаяния.

Все свободное время, насколько позволяли приличия, он пропадал в доме или мастерской Джероламо ди Артеньи, лишь бы быть поблизости от Дианы. Иногда ненадолго заходил в таверну “У вепря”, чтобы пару раз бросить кости и разжиться серебром. После чего водил Лоренцо с Гаспаром на выпивку.

И еще регулярно посещал Антонио Фьорини.

Узнав о неудачной игре в кости, аптекарь раскритиковал Николу в пух и прах, сообщив, что, похоже, тот решил выплеснуть всю накопившуюся за время плена дурь и ведет себя как сорвавшийся с цепи пес. И что он совсем не то имел в виду, упоминая заработок и магический дар. Можно подумать, будто сам он представлял образчик благоразумия.

С момента возвращения Антонио, с позволения Гильдии, вновь открыл аптекарскую лавочку на нижнем этаже своего дома, на границе Кастелло и Каннареджо. И хоть находилась она в узком переулке, но все же недалеко от главной торговой улицы. Так что покупатели сиропов от кашля или поноса, уксусов, настоянных на травах, или сомнительных мазей “для изгнания мужского семени”, популярной у куртизанок, всегда находились. Но вместо того чтобы погрузиться в изготовление снадобий и торговлю, беспокойная натура приятеля требовала алхимических свершений.

К полному изумлению соседей и шоку мадонны Карлотты, увидавшей, как муженек расплачивается за это “добро” серебром, Антонио заказал вместительный ящик конского навоза, который и был ему доставлен с террафермы и водружен возле заднего входа в дом и который, невзирая на хлипкую крышку, щедро расточал смрад и собирал мух со всего города.

Увидев вытянувшееся от удивления лицо заскочившего в гости Николы, аптекарь довольно потер руки:

— Ты видел?! Чистейший, конский!

Никола не то чтобы увидел, а скорее сполна ощутил носом и заслезившимися глазами “приобретенище” приятеля.

— И этот человек меня называет ненормальным!! Зачем тебе это?!

— Пошли в лавку, объясню. И у меня к тебе, кхм... дело есть.

Разлив по чашам белое кисловатое вино и выложив перед Николой на прилавок стеклянную колбу, невзрачный серый порошок и сомнительный затертый кусок пергамента с корявой латинской надписью, Антонио торжественно произнес:

— Вот! Мой будущий эксперимент! Мой будущий помощник, хранитель знаний и слуга!

— Это какая по счету бутылка вина? — спросил Никола, всерьез опасаясь, не сказывается ли, пусть и с некоторой задержкой, последствия рабства и лишений на приятеле.

— Господи, какой же ты скучный и прозаичный тип! Это — будущий гомункулус!! Магический прислужник алхимика в изготовлении философского камня! И я могу предоставить тебе честь поучаствовать в его создании!

Алхимик взглянул в непонимающее лицо Николы, вздохнул и взял со стола свиток:

— А, ладно, слушай... ммм... Так, вот, отсюда: “Возьми семя мужское, испущенное в страсти, соедини с кровью месячной от невинной девы, добавь философскую соль, помести в реторту из стекла, закупори воском и просмоли, зарой в навоз конский. Оставь на сорок дней и узришь нечто, напоминающее младенца”.

— И этот ящик ты собираешься держать сорок дней возле дома?! Да соседи сожгут твою лавку!

— С соседями все решено, и они думают, что я мацераты в навозе настаиваю, — отмахнулся аптекарь. — Тут такое дело... видишь ли, у нас с Карлоттой детей нет, да и возраст... а мне нужно мужское семя, испущенное в страсти...

Никола поперхнулся, выпустив из носа тонкую струйку вина, и долго кашлял, вытирая глаза и с трудом сдерживая смех, вызывающий новые приступы кашля.

— Нееет!!! Это отвратительно!! Тони, что ты несешь?! Предлагаешь стать папочкой для твоего монстра, а потом всем вместе, по-семейному, в свинцовой тюрьме, дружить с Советом Десяти и инквизицией?! — он подавил хохот и уже серьезно добавил: — Это же глупо! А запись эта — подделка и надувательство. Сколько ты за нее выложил? Гомункулусов не существует! Иначе в каждом ярмарочном балагане уже содержалось бы по десятку!

Алхимик вздохнул:

— Значит, не хочешь... А вот зря! Я уверен, что у меня получится — смог же великий Парацельс не только вывести магического помощника, но и получить философский камень! Смог он — сможет и Антонио Фьорини!

— Главное, чтобы соседи не донесли о сомнительных опытах, и Антонио Фьорини не закончил в Священном ведомстве!

Так или иначе, но через пару дней реторта с будущим гомункулусом была закопана в самой середине вонючего ящика, о чем алхимик и сообщил Николе, азартно посверкивая глазами, не забывая при этом демонстрировать обиду за отказ помочь в “научном прорыве”. При каждой встрече к месту и не к месту он заводил разговор про “триумф людского разума над природой” и “акте творения, подобному божественному”, и так этим надоел, что невольно навел Николу на мысль внести свои коррективы в эксперимент.

Впрочем, целью розыгрыша не было насолить Антонио. Николе хотелось развеселить и насмешить девушку, чей образ непрестанно крутился в мыслях. К тому же и Лоренцо с Гаспаром оценят шутку.

А появилась идея благодаря здоровенному серому коту, одному из многочисленных питомцев мадонны Пьетры, который по непонятным причинам проникся особой любовью к Николе и регулярно приносил добычу ему в комнату, оставляя в изголовье кровати задущенных крыс и мышей.

Николо... Николо ди Каттаро... Неужели он действительно нашел ее?!

Диана не сразу поняла, что этот располагающий, улыбчивый парень, искусный рисовальщик, куда талантливее их всех из мастерской дядюшки вместе взятых, и нищий у колодца, и ее спаситель из потустороннего города — одно и то же лицо. Слишком уж много совпадений разом. Даже страшно становится... Николо. Кто бы догадался, что в нормальной жизни он такой настоящий и обычный. И талантливый... И очень-очень симпатичный...

Она брела по набережной Каннареджо, улыбаясь своим мыслям. Окрик выдернул ее из размышлений, заставив начать озираться по сторонам в поисках знакомого голоса.

К самой кромке мостовой подошла крытая гондола, и из нее высунулось знакомое лицо:

— Диана! Дианетта!!!

— Орса!!! — она подбежала к лодке, и гондольер помог взойти на борт и сделать пару шагов до закрытой кабины.

Лучшая подруга, одетая по последней венецианской моде в дорогое шелковое платье вызывающе ярко-красного цвета с глубоким вырезом, открывающим красивую шею, ожерелье из крупного жемчуга и нежные округлые плечи, с волосами, уложенными в причудливую прическу с помощью золотой сеточки, протянула к ней руки, и Диана восхищенно воскликнула:

— Орсетта, какая же ты красавица!!! Как я рада тебя видеть!!! Роскошно выглядишь! Ты выпустилась из приюта? Вышла замуж? Как же я соскучилась по тебе!

На упоминание замужества лицо Орсола ди Марина помрачнело, и Диана поняла, что ляпнула какую-то бестактность. Но мгновением позже подруга вновь улыбнулась.

— Я тоже очень скучала по тебе. И нет, замуж я не вышла. Из приюта меня забрал покровитель. Присмотрел на одном концерте, что мы давали благотелям приюта, патрицианской семье в их палатце. И теперь я живу на его содержание... и не только его. Как-никак — я дочь своей матери. И если тебе неприятно общаться со мной и ты опасешься за свою репутацию, то знай — я пойму...

Диана не сразу сообразила, что ей хочет сообщить лучшая подруга.

Орсетта, наблюдавшая за ее реакцией и прочитав удивление и шок на лице от понимания, холодно вздохнула и насмешливо скривила красивые губы:

— Не волнуйся, Нетта, я не обижусь, если ты не пожелаешь больше со мной общаться. Тебе еще надо найти подходящую партию, а наша дружба такому не поспособствует. Я понимаю. Я не праведница, — ее губы снова дрогнули в усмешке.

Кровь бросилась Диане в лицо.

— Вот еще! Разве в приюте меня защищали какие-то праведницы?! Разве ты стала кем-то другим?! Ты моя подруга! И мне все равно, как и с кем ты живешь, если эта жизнь подходит тебе! Если бы знала, что ты больше не в Оспедале, сама бы тебя нашла!

На лице Орсола прочиталось облегчение, а глаза влажно заблестели:

— Диана, как же я тебе рада!!! Поплыли ко мне! Я так давно мечтала поговорить по душам с кем-то близким! И хочу знать, как ты живешь? Все-все!

Наверное, впервые за всё время пребывания у дяди Диана махнула рукой на срочный заказ, ожидающий её в мастерской, которому дядюшка придавал особое значение, потому как роспись деревянных панелей с изображением цветочных гирлянд и танцующих нимф заказал богатый меценат из патрициев.

И уже полчаса спустя давние подруги сидели на обитом шёлком диванчике в доме, снимаемом богатым покровителем Орсола неподалёку от церкви Сан-Джеремиа. Светлая комната была обставлена с замечательным вкусом, а по её стенам в золочёных рамах висели искусно написанные картины с изображением фруктов и цветов. От ароматического сосуда разносился нежный запах розовой воды. Пожилая служанка поставила на низкий лакированный столик майоликовый поднос, наполненный миндальными бискотти и цукатами, налила мальвазию в изящные чаши из голубого муранского стекла и удалилась.

И тогда Орсетта рассказала ей, как на концерте, который лучшие исполнительницы хора Оспедале-делла-Пьета давали в честь святого покровителя одной знатной патрицианской семьи, против обыкновения не скрывая лица вуалями, её увидел немолодой и, как ей сперва показалось, не слишком богато одетый мужчина. И как, нарушив все правила, он подошёл после выступления спросить её имя. Потом она узнала, что для того, чтобы получить над ней опеку после выхода из Оспедале, он пожертвовал приюту невероятную, как ей сообщили, сумму. И после с ней всегда был любезен и внимателен. И что не жалеет, что стала благочестивой куртизанкой.

Но ведь ты его любишь?

«Кажется, я опять сморозила что-то не слишком тактичное», — с опозданием подумалось Диане при взгляде на лицо подруги.

Та задумчиво улыбнулась:

— Думаю, что я в него влюблена. До сих пор.

— А разве это не одно и то же?

— Если задаёшь такой вопрос, очевидно, что ты в данный момент не испытываешь сильной влюблённости. И нет, не одно, — засмеялась Орсетта и серьёзнее добавила: — А чтобы и он не успевал охладеть ко мне, приходится учиться. Постоянно. Поэзию читать, а ты знаешь, я не слишком разбираюсь в ней и трудах греков. А уж сочинять сонеты — вообще для меня недосягаемо... а ведь некоторые, самые учёные женщины из чтимых куртизанок* (*самые элитные представительницы профессии*), пишут книги, и даже их печатают* (*Вероника Франко, Туллия*

д'Арагона), представляешь?! Я желаю стать одной из них, пока ещё молода... пока нравлюсь. Но хватит обо мне! Это всё так банально. Расскажи о себе! Как тебе живётся с дядей и что происходит в твоей жизни?

И Диана начала рассказ — и про семью, и про работу в мастерской, и о переодевании в мальчика. Про свои успехи в росписях и непреодолимую преграду в виде анатомии. И про Николо из Котора, лучшего в мире рисовальщика. И ювелира. И того, кого она знала задолго до их реального знакомства. С неотразимой улыбкой, на которую невозможно не улыбнуться в ответ. И вообще... самого...

— А он? Ты сказала ему, что ты та самая девушка?

— Нет, ты что?! Что он обо мне подумает? Что я навязываюсь? Может, я его вообще не интересую, просто он дружит с Лоренцо.

— Нетта!!! Ну конечно, именно ради Лоренцо он торчит в вашей мастерской и нашёл тебя оттого, что заняться было нечем! Не глупи! Я очень надеюсь, что хотя бы у тебя... у вас всё будет хорошо.

А уж как самой Диане этого хотелось. Она мечтательно улыбнулась.

Роспись панелей они закончили вовремя и не без помощи Николо, который приложил свою руку к рисованию фигур нимф, и дядя начал смотреть на него ещё более благосклонно. Поэтому Диана решилась поддаться на уговоры юноши и, переодетой в мальчишку, совершить ночную вылазку, особо не опасаясь, что дядюшка Джероламо запретит приходить Николо в свой дом. К тому же Лоренцо не имел ничего против её участия «в этом деле». На вопрос, о каком таком деле речь, парни покатывались от смеха, пока она не начала сердиться. Наконец Николо снизошёл до объяснений.

— Да ничего особенного. Хочу подшутить над моим другом. С которым мы вместе вернулись, я рассказывал о нём. Он собрался вывести гомункулуса — такого магического чело-вечка, и ради этого припер к дому ящик с навозом, закопал в него сосуд на сорок дней, из которого и ждёт появления на свет «алхимического помощника», — Николо покопался в сумке, переброшенной через плечо, и вытащил запаянную воском стеклянную реторту, внутри которой что-то вяло бультыхалось.

— Это что?! — фыркнув, Диана уставилась на желтоватую жидкость с плавающим внутри непонятным сгустком.

— Познакомься, первый и единственный в своём роде гомункулус! Вчера утром кот тётки Пьеры принёс мне его прямо на подушку. Пришлось срочно покупать колбу и уксус, чтобы залить этого красавца. А у Антонио, если не ошибаюсь, в ближайшие дни «принятие родов». Будет выкапывать свой «эксперимент» из кучи-вонючи.

Приглядевшись, Диана рассмотрела дохлого крысёныша, непонятно как засунутого в стеклянный сосуд, и рассмеялась.

— А что в той реторте, закопанной алхимиком?

Лоренцо прыснул, Николо криво улыбнулся:

— Да как сказать... Всякая дрянь, тебе лучше не знать, уж поверь.

Чтобы Антонио или кто из соседей их не узнал, он предложил надеть маски, хотя до карнавала оставался добрый месяц. На улице к ним присоединился Гаспар, второй подмастерье известного ювелира, и вместе, смеясь и шикая друг на друга, они добрались до узенького переулка.

В целом, если посмотреть трезво, ничего интересного в дальнейших действиях не было. Но все покатывались со смеха. Возле шибящего в нос ящика выяснилось, что никто не подумал, чем откопать и как вытащить реторту алхимика из вонючей кучи. Они забегали, пытаясь разглядеть под тусклым светом единственного фонаря хоть что-то подходящее, пока Лоренцо не наткнулся на обломок доски. Копать пришлось Николо, как единственному знающему, где искать стеклянный сосуд. Затем — запихивать в освободившуюся пустоту своего «гомунку-

луса». Потом, по просьбе Дианы, внимая её аргументам: «А вдруг мы погубим усилия твоего друга? Вдруг у него получится? Вдруг он расстроится?», понося всех алхимиков и экспериментаторов, под язвительные комментарии Гаспара, закопать в углу сундука ещё и сосуд аптекаря.

Обратный путь был не менее весёлым, каждый выдвигал свою версию реакции Антонио на их «гомункулуса», и все прыскали со смеху.

Выйдя из узкого переулочка, Николо вдруг резко остановился:

— Вот только вас не хватало... Исчезаем, патруль. Сейчас прицепятся.

Однако было поздно, и их заметили. На грубый приказ остановиться они переглянулись и попытались принять серьёзный вид. Подумав, как их компания, от которой ещё слегка несло въевшимся запахом из ящика алхимика, выглядит со стороны, первой не сдержала смех Диана, а за ней расхохотались и парни.

— Маски сняли и вышли под свет факелов! — ледяной тон капитана патруля вызвал новую волну веселья.

— Слушаемся, синьор капитан! — торжественно и серьёзно сказал Лоренцо и, не удержавшись, хрюкнул от смеха.

Они вышли на свет навстречу четырём стражникам, вооружённым алебардами, во главе с человеком в тёмном плаще, которому и принадлежал ледяной голос.

— Вы не слышали о запрете носить маски не в карнавалы дни? Снять! А теперь назовите ваши имена.

Прикусив губу, чтобы не нервировать еле сдерживаемым хохотом предводителя ночной стражи, Диана стянула ларву* (*распространённая белая маска*) с лица.

Один из алебардщиков взял кованный фонарь из рук капитана и, подойдя вплотную, поочерёдно осветил лица всей компании. Девушка представилась именем Доменико Зампелис, наскоро придумав имя и добавив семейную фамилию.

— Синьор, мы никому не собирались причинять зло. Оружия у нас, кстати, нет. Никакого. Можете проверить. Одели маски только ради шутки над товарищем. Торжественно обещаем, что подобное поведение с нашей стороны не повторится, — хоть Николо говорил серьёзно, даже изобразив любезный поклон, больше похожий на шутовской, но его голос сочился плохо скрываемой иронией, которую уловил капитан дозора.

Сам он приблизился к притихшей компании и встал напротив.

Диана поняла, что видела именно этого человека на рынке Риальто, и именно он нёс захваченное турецкое знамя в тот памятный день, когда город узнал о победе.

— Видишь ли, парень, — устало и зло процедил он, — за нарушение ночного спокойствия мастеровым и слугам полагается хорошая порка. И бесплатная ночёвка в свинцовых палатах. Хочешь, доставлю тебе такое удовольствие? Ну так продолжай шутить. А теперь — ваши маски, — обратился он ко всем. — Мы их забираем, они вам больше не пригодятся.

Диана увидела, как на упоминание порки фигура Николо напряглась, как ладони сжались в кулаки и как вспыхнул его дух огненным гневом, и поняла, что если не разрядить обстановку, то он обязательно наломает дров. Она первая протянула свою маску капитану:

— Пожалуйста, синьор. Забирайте мою ларву, — как можно более невинным тоном произнесла она и, не удержавшись, съязвила: — А позвольте спросить, вы маски коллекционируете? У нас как раз все разные. Жаль, нет маски няги. Вам бы особо подошла... словно создана для вас!

Как когда-то и предрекал Лоренцо, упоминание маски кошечки вызвало нервные смешки среди стражников, но, взглянув в вытянутые лица приятелей, она поняла, что такая шутка звучит совсем не безобидно, а почему — не знала, брат объяснить так и не удосужился.

Капитан подошёл вплотную и, слегка наклонившись, уставился ей в лицо так, что пробрало холодом и ледяной яростью.

— Альвизе, да наплюй на дураков! Видишь, сопли зелёные развлекаются, ну их... — бросил кто-то из стражников.

— Юноша, мужчины должны отвечать за свои слова и быть готовыми к последствиям, — очень спокойно проговорил капитан, сузив блеснувшие в свете факела глаза, — в противном случае кому-то придётся вас этому научить.

Он холодно усмехнулся, развернулся и упруго зашагал прочь, уводя патруль.

Все облегчённо выдохнули.

— Сестрица... Ты того, полегче с шуточками, — прокомментировал Лоренцо, и Диана почувствовала смутное беспокойство.

Когда они подошли к дядиному дому в Каннареджо и брат тихо скользнул внутрь, оставив её наедине с Николо, все тревоги и впечатления этого дня вылетели из головы — осталось лишь его лицо и пристальный взгляд, который она ощущала всем телом.

— Слушай, я тут тебе кое-что остался должен... — он покопался за пазухой и вытащил круглый кулон на цепочке, оказавшийся серебряным grosso, вставленным в филигранную оправу. — Тренировался проволоку крутить... Если не нравится — легко вытащить. Надавишь вот сюда посильнее, и сам выскочит.

— Спасибо!! — Диана с восхищением смотрела на тонкую работу. — Такая оправка подошла бы драгоценному камню! Красиво!

— Диана, ну где ты там?! — раздался от двери шёпот брата. — Давай домой! По-тихому!

Никола наклонился и поцеловал её в губы так неловко, что они стукнулись носами, отпрянул и, резко развернувшись, зашагал домой.

Глава шестая

Январь 1572 года.

Пролетели рождественские праздники – с украшением окон и дверей домов лавровыми ветками, с торжественными мессами и шествиями, с театральными и балаганными представлениями, даваемыми по всему городу, с походами по гостям и праздничными трапезами.

В этот год Рождество для Николы не было тоскливым. Дом в Которе и отец с братьями, воспоминания о маме, праздничная беготня по соседям с другими мальчишками, катанье на лодках – хоть и вспоминались, но уже без грусти, охватывающей его каждый сочельник.

Большую часть празднования он провел в доме Джероламо ди Артеньи. Он решил во что бы то ни стало загладить неловкость, допущенную при расставании памятной ночью, когда, уже наклонившись к лицу Дианы, вспомнил, что еще недавно копался в навозе и, вероятно, от него прилично несет. Дернулся, и поцелуй получился еще более неуклюжим, чем в первый раз в жизни, словно у подростка, впервые имеющего дело с особой противоположного пола.

Поэтому, чтобы произвести более благоприятное впечатление, он решил сделать для нее в подарок какую-нибудь милую вещицу. Заодно – попробовать себя в новой технике, позволяющей не зависеть от мастерской маэстро Альфани. Он заранее подготовил медную пластину для миниатюры масляными красками, оплел ее серебряной оправой и долго раздумывал, что бы такого написать, чтобы подарить девушке, в которую влюбился по уши. Решив, что портрет может выглядеть как-то слишком, он изобразил ангела, вполне соответствующего теме Рождества. Ангел получился зеленоглазым, с вьющимися пепельно-русыми волосами и знакомой улыбкой.

В рождественские дни они вволю нагулялись и наговорились с Дианой, ловя каждый момент, чтобы поцеловаться, когда никто их не видит. Правда, гулять приходилось в неизменном сопровождении Лоренцо, который постоянно обижался на игнорирование его персоны со стороны “влюбленных придурков”. Они спорили, кто из живописцев более велик – Беллини, Джорджоне или Тициан? Обсуждали, как получается “выйти духом”, когда не происходит ни небесных битв, ни встреч со Светлой Дамой. Диана рассказывала о своем доме на краю дубового леса, бабушке бенанданти и многочисленном семействе, о братьях и сестрах. Он – о жизни в Которе, путешествиях с мамой к суровому деду и о том, как горе от смерти дочери помирило старика с его отцом... И как дед снова разгневался на зятя, когда узнал о его, Николы, отъезде на обучение.

А вот чтобы ему помириться с Антонио, пришлось потрудиться. Аптекарь разозлился не на шутку, обвинив Николу в том, что тот своей рукой разрушил его надежды и мечты.

Пришлось собственноручно откапывать колбу с сомнительным содержимым, которую он завалил навозом в углу ящика, и предъявлять другу, упомянув, что именно Диана настояла на том, чтобы его эксперимент не прерывался.

— Я был уверен, что ты и сам догадаешься покопаться рядом! – оправдывался он перед приятелем.

Обтерев грязной тряпицей драгоценную реторту, алхимик уставился на мерзкое даже на вид содержимое и разочарованно вздохнул:

— Это ты виноват! Температурный режим нарушил! – не слишком уверенно протянул он.

После этого, правда, гнев его сменился на милость, и, выбросив злосчастную колбу, Антонио поделился планом создания чудо-зелья, возвращающего молодость и красоту: “За обладание которым убьются не только стареющие матроны или благочестивые куртизанки, но и

любой богатей – хоть купец, хоть патриций, теряющий мужскую силу”. Никола обрадовался – этот план друга звучал куда безобиднее предыдущего.

Единственным положительным итогом опыта по выведению “гомункулуса” оказалась горячая симпатия, которой Антонио проникся к “этой мудрой девице, у которой есть мозги, в отличие от ослов, претендующих на звание людей искусства”, и высказал мысль, поразившую Николу своей возможной реальностью:

— Друг мой, постарайся, чтобы такое сокровище, эту девушку, кто-нибудь более сообразительный и расторопный не увел у тебя из-под носа!

Это высказывание друга неприятно царапнуло страхом. Он вспомнил, что в мастерской ди Артенья слишком часто ошибается коллега по цеху – богатый немолодой неопрятный вдовец с торчащей из ушей шерстью, имени которого он не потрудился запомнить, – и как-то слишком навязчиво пытается с ней заговорить. Так что Никола решил как можно скорее поправить свои финансовые дела и максимально посвятить себя получению статуса золотых дел мастера, чтобы без боязни думать о будущем, в котором рядом с собой видел только одну-единственную женщину – Диану.

Сразу по окончании рождественского отдыха он заявил маэстро Джулиано о своем решении добиваться звания мастера и попросил того дать рекомендации Гильдии Орефиче на выполнение им шедевра. Маэстро Альфани в восторг от просьбы не пришел, быстро сообразив, что потеряет отличного работника, но и препятствовать не стал, а пообещал обратиться к главам цеха. Когда же после разговора Никола увидел довольную физиономию мастера, на которой читалось нескрываемое облегчение, то понял, что проторчит подмастерьем еще не один год. Джулиано Альфани покровительственно похлопал его по плечу и произнес почти что сочувственную речь: мол, он рад бы дать Николе все рекомендации, но главы Гильдии желают видеть в своих рядах лишь полноценных граждан Венеции, и ему, как выходцу из заморских владений Светлейшей, придется доказать свою полезность, лояльность и талант прежде, чем он сможет получить позволение пройти испытание и взяться за шедевр. Никола лишь сжал кулаки и скрипнул зубами. Он давно выучил тонкости ремесла, и ни один крупный заказ не обходился без его участия. Только этого, оказывается, мало.

Лояльность? Ну что ж, придется демонстрировать и лояльность. Своего он добьется. Так или иначе.

Поэтому после праздничных выходных он решил, что покажет себя перед Гильдией в самом лучшем свете.

И вот по этой самой причине ранним январским утром он отстоял мессу в церкви Сан Лио, где у скуолы ди Сан Элигио, куда входили все уважаемые мастера и старейшины Гильдии, имелся свой собственный алтарь, посвященный святому Элигию. А теперь торчит на площади перед виселицей, воздвигнутой между колоннами со статуей святого Теодора и крылатым львом, символом святого Марка, и с тоской ждет свершения наказания какого-то несчастного.

Никола с раздражением взглянул на гудящую толпу ремесленников, имеющих отношение к ювелирному искусству, с нетерпением ожидающих казни, на которой Совет Десяти обязал присутствовать и орефичи – золотых дел мастеров, и зеркальщики спеккьери, и кузнецов фаббри феррайуоли. Для острастки и как предупреждение.

Никола всегда избегал подобных зрелищ и сейчас горячо желал развернуться и уйти, но здесь присутствовали все главы его Гильдии. Они живо обсуждали между собой предстоящую экзекуцию и с любопытством разглядывали палача с темным платком на лице, невозмутимо ожидавшего свою жертву у платформы эшафота. Раздался звон колокола с кампанилы, и заключенного подвели к виселице.

Никола знал, что преступником является их коллега-ювелир, якобы занимавшийся темной магией и участвовавший в заговоре против Светлейшей республики. Ювелирное

искусство, черная магия и заговоры – все вместе никак не увязывались в голове, все это казалось бредовой выдумкой.

Он полагал, что после пленения и рабства на турецком галеасе никакие сцены смерти не смогут его потрясти. Однако то, что выведенный на площадь человек, бледный и потерянный, сейчас, в мирное время, умрет на глазах у улюлюкающей толпы, заставило желудок болезненно сжаться.

Глашатай огласил приговор: “Во имя Бога Всемогущего и во славу Пресвятой Венецианской Республики обвиняется Марио Фарнеди”. Далее упоминались “запрещенные знания, использованные при изготовлении предметов с признаками магии; попытка нанесения вреда здоровью значительным лицам города; тайные связи с врагами и заговор против Республики; злоумышленное нанесение вреда чести Гильдии золотых дел мастеров”. И еще попытка бегства и убийство капитана ночной стражи.

Толпа заорала, а затем приутихла в предвкушении зрелища. Приговор был исполнен быстро, при полной тишине. Когда тело ювелира конвульсивно дернулось в последний раз и затихло, раздался свист мальчишек и одобрительный рев, вырвавшийся из мужских глоток.

Вслед за ювелиром на площадь вывели его ученика – парнишку едва ли лет пятнадцати. На сей раз приговор не был столь суровым и грозил лишь бичеванием и прогоном сквозь город до рынка Риальто и Горбуна.

Когда трясущегося осужденного привязывали к столбу, Никола резко развернулся и зашагал прочь. Смотреть на избиевание перепуганного мальчишки, на его позорный путь через город, сопровождаемый плевками и унижениями, он не намеревался.

Взгляд наткнулся на еще одну фигуру, неспешно покидающую место казни. Светловолосый человек с чеканным профилем, в котором он узнал капитана ночной стражи, совсем недавно отобравшего их маски, хмуро взглянул на начавшуюся экзекуцию и, отвернувшись, направился в сторону Арсенала.

Он пришел на казнь не из любопытства и уж точно не для того, чтобы позлорадствовать, а чтобы убедиться, что человек, который лишь благодаря случайности или вмешательству ангела-хранителя не убил его, всего лишь наградив порезом через весь лоб, получит заслуженное наказание. А вот прошлому капитану не повезло... Ловкий оказался сукин сын, и кто б мог подумать... ювелир! Ювелиришка завалил опытного бойца, не ожидавшего такой прыти от ремесленника. Впрочем, именно это событие и двинуло карьеру Альвизе ввысь. Случилось то, чего он давно желал – наконец-то появилось стабильное положение в обществе и уважение со стороны сограждан. И пусть подавятся те, кому не нравится, что это место получил “высочка”. Этот “высочка” пролил немало пота за их благополучие, и если б только пота...

Альвизе Моро, бывший сержант морской пехоты, а теперь один из капитанов ночной стражи в сестииере Кастелло, холодно взглянул на конвульсии умирающего тела. Когда осужденный тряпичной куклой с высунутым потемневшим языком повис на удавке, он развернулся и устало двинулся в сторону таверны вблизи Арсенала, на верхнем этаже которой снимал комнату.

В свое время Альвизе выбрал это место из-за близости к работе. Высыпаться. Ночь выдалась как ночь – три пьяные драки, попытка ограбления подвыпившего дурня, поножовщина из-за куртизанки. Не хуже других, но отоспаться надо.

В таверне его, вероятно, давно поджидает Габриэла, служанка, не брезгующая подрабатывать продажей тела, и сразу погрузиться в сон не даст. А к вечеру нужно быть свежим, выбритым и хорошо одетым, чтобы предстать пред светлые очи нотариуса сера* (*обращение к юристам и нотариусам*) Томмазо Брагадина, выкупленного недавно из османского плена

фантастически огромной суммой, из-за чего семья его обеднела и фактически разорилась, но не потеряла веса в обществе, и произвести самое благоприятное впечатление как на него, так и на его младшую, еще незамужнюю дочь, Кьяру Брагадин, оставшуюся без богатого приданого. Девушку, приятную во всех отношениях. Вполне подходящую на роль супруги. Если, конечно, он сам придется ко двору этому семейству, еще каких-то полгода назад даже не взглянувшему бы в его сторону. Альвизе усмехнулся.

Ничего... Очаровывать женщин Альвизе умел. У мужчин же неизменно вызывал или уважение, или неприязнь. И с человеком, побывавшим в турецком плену, общий язык он найдет. А брак с его дочерью откроет много дверей и возможностей. К тому же их понятие о том, что такое бедность, мягко говоря, отличается от его, сполна прочувствованного на собственной шкуре.

Пора начать отдавать долги. Прежде всего, Лукреции, всегда поддерживавшей его, в том числе и деньгами. И это несмотря на весьма скромное положение собственной семьи. Она не раз подбрасывала монет то на покупку пистоля, то на кирасу, понадежнее той, что выдавались со складов Арсенала. Теперь, когда ее муженек, этот боров, отправился к дьяволу, сестренке, с одной стороны, полегчало. Но обеспечить трем племянницам приличную жизнь, образование и приданое без его помощи она не сможет.

Глаза закрывались от усталости, а ноги сами несли по направлению к временному жилищу.

Он свернул с набережной Рива дельи Скьявони и углубился в путаницу узких улочек и кампо сестьере Кастелло, когда взгляд выхватил фигуру, еще до полного узнавания вызвавшую раздражение. Альвизе бросил взгляд на тонкого юношу и усмехнулся. Шутник. Тот, что высмеял его не только перед своими друзьями, но и стражниками, что были с ним в ту ночь и которые успели раззвонить об этом всем, кому не лень было слушать. И теперь тот так удачно проходит мимо лавки, с неделю как проданной прошлым хозяином богатому купцу и пока пустующей. Он сам недавно прогнал оттуда нищих, сбивших замок в надежде переночевать под крышей.

Секунду размышляя – стоит ли учить щенка или плюнуть, и что сам он будет выглядеть не лучше подростка, – Альвизе воровато оглянулся на пустую улочку, сделал резкий шаг навстречу шалопаю, схватил того за предплечье и втянул ошеломленного мальчишку внутрь лавочки. Тот уже раскрыл рот, хлопая ресницами, и собирался заорать.

— Кричать и звать стражу не советую. Стража здесь я, – усмехнувшись, сказал Альвизе, не повышая тона.

Мальчишка захлопнул рот и уставился на него огромными перепуганными глазами, словно нашкодивший кот. Узнал.

— Я уже говорил, что мужчина должен отвечать за свои слова. И понимать, кому и что говорить стоит, а кому нет, – оттесняя в угол побледневшего сопляка, продолжил он. – Видишь ли, ты высмеял меня перед моими людьми. Я верну тебе шутку с небольшими процентами. Сейчас, приятель, ты скинешь всю свою одежду, ну, кроме туфель, а я отнесу ее воон туда, к колодцу, и там оставлю. Ну а заберешь ты ее уже сам. Придется выбирать – или пробежать мимо собравшихся по воду женщин, или рисковать, что твои вещи приглянутся кому-нибудь еще. А они приглянутся, будь уверен. По-моему, это не особо жестоко по отношению к тебе. Что скажешь?

Парень замычал что-то невразумительное, вытянул вперед тонкие кисти, попытался оттолкнуть Альвизе и одновременно вырваться из пыльного угла, извиваясь и чуть не выскользнув из его рук.

Поймав за шкурку, капитан вновь прислонил его к стене и поднял глаза к небу.

— Что ты так боишься-то? Я, как раз, не любитель переодеваться в дам и маски кошечек носить, так что с этой стороны тебе ничего не угрожает, а вот если проворонишь свою одежду, то риск повстречать типа с подобными пристрастиями вполне реален. Давай, раздевайся.

Парень выставил вперед локти и попытался его пнуть, как-то странно всхлипнув, снова не произнес ни слова.

— Вот не люблю я вашу художественную братию. Как лаять, задираться – вы первые, а как ответ держать, так паника, – он втиснул парня в угол и потянулся к пуговицам на грубой куртке, отстегивая одну за одной. – Да не дергайся ты так. Дам у колодца своим голым задом ты не шокируешь, они здесь и не такое видали. Это чтобы ты запомнил...

Он сдернул серую стеганую куртку с хрупких плеч мальчишки, поморщился, отбросил ее в сторону и взялся за завязки рубашки. Тот снова отчаянно дернулся, пропищав: “Нееет!!!”, и Альвизе придавил его к стене своим телом, чтобы не удрал, и в первое мгновение не понял, отчего ладонь наткнулась на женскую грудь. Девичью. Маленькую, упругую. Он повел рукой к другой груди и оторопело замер, ощущая, как сердце непроизвольно ускорило ритм. Он почти не заметил, как тонкие женские пальцы вцепились в его руку, царапая до крови и пытаясь оторвать ее от тела. Он ошарашенно взглянул в бледное лицо с огромными, покрасневшими влажными глазами и сдернул берет с ее головы. Волнистые волосы упали на плечи девушки, она вздрогнула.

Словно во сне он провел ладонью по ее шее, губам и мокрому лицу, ощутил дрожь ее тела и почувствовал, как потряхивает его самого. Резко отстранился и несколько секунд пытался выровнять дыхание. Затем зло бросил сползшей по стене вниз и обхватившей себя за плечи руками девице:

— У куртизанок новая мода? В мужской одежде привлекаете больше клиентов? Лучше оплачивают?!

Альвизе резко развернулся и вышел, злясь на нее, дурацкую ситуацию, а больше всего на себя. Он всю жизнь искренне презирал мужчин, прибегающих к насилию над женщинами. Не можешь уговорить – купи. Не можешь купить – найди другую и уговори. Даже на войне. Но сам едва удержался от желания отыграться, показать свою власть зарвавшейся девке. Еще юной, со слегка угловатой подростковой фигурой и выглядящей так невинно. И привлекательной... даже слишком. Могла бы найти клиентов и получше, чем те подмастерья... Правда, в ее профессии красота ненадолго. Скоро или сопьется, или подхватит французскую болезнь, а свежесть увянет – не успеешь оглянуться.

Диана бежала, спотыкаясь, задыхаясь от усталости и стыда, чувствуя, как пылают щеки. Домой. Быстрее. Переодеться, смыть водой его прикосновения и забиться в самый дальний угол... Он трогал ее так... он принял ее за дешевую куртизанку. Как она вообще сможет выйти на улицу после такого?! А вдруг вновь увидит его... Она ускорила бег.

И ведь сегодня идти смотреть место под живопись особой необходимости не было. Ей просто захотелось прогуляться вместе с дядей и Лоренцо, ну и заодно взглянуть на то, какой объем работ им предстоит. После росписи стен дома купца, подарившего ей два гроссо, их пригласили расписать недавно отстроенное фондако ди биате – складское здание для хранения зерна и муки, располагающееся все в том же приходе Сан-Мартино и принадлежащее Корабельному магистрату. Точнее, разрисовать лишь одну стену в канцелярском помещении на третьем этаже, да коридор на втором, украсив стены колосьями и другими символами изобилия. Осмотрев пустой и гулкий склад, дядя с братом отправились уточнять условия сделки, а она неспешно двинулась домой. Прогулялась, называется... И как теперь она вновь решится одеть мужскую одежду?! Впрочем, какая разница. Он видел ее лицо и узнает хоть в мужской,

хоть в женской. Волна стыда нахлынула вновь, и лишь скрывшись за дверью дядино дома, ей полегчало.

Несколько дней Диана боялась высунуть нос за порог, представляя, как встретится с тем капитаном и как провалится под землю от стыда и неловкости. Лоренцо с подозрением расспрашивал, что с ней случилось и почему даже на рынок приходится идти ему одному. Конечно же, о происшествии она никому не рассказала.

По прошествии пары дней удалось успокоиться, вспомнив, что тот капитан патрулирует лишь район Кастелло и вряд ли заявится в Каннареджо. А когда придется идти помогать дяде в росписи складских канцелярий, она будет передвигаться только в компании его и брата. Она решила забыть, заставить себя забыть неприятный эпизод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.